

Расшифровка интервью

Дата: 28.02.2021

00:00:05

Дина Ивановна, расскажите, пожалуйста, о своих родителях. Мама, папа, как их звали, откуда они, ну и как познакомились?

Папа Иван Осипович Тумарев. Он и родился, и первые... и многие годы там работал учителем школы, село Серёда Шаховского района Московской области. Тысяча, главное... 1901 года рождения. Мама там родилась, в тех же краях, в 1914 году, она — село Холмец Шаховского района Московской области. Ну вот поженились.

00:01:03

А как они познакомились?

Потом я...

00:01:05

Вы только не волнуйтесь. А как они познакомились, вы не знаете? Вот интересно.

Ну, как именно, как познакомились, я что-то такое уже подзабыла даже, потому что было рассказано. Только знаю, что... отец сразу, он старше мамы, и отец сразу влюбился в маму и всё делал. Ну а потом деревни-то, их же села недалеко друг от друга. Ведь на танцы ходили из деревни в деревню, молодые-то когда. И как-то познакомились, и отец, всё, больше маму не отпустил. И они поженились. Но родилась я в 1932 году. У них еще первые года, какие я помню, это в деревне Цезарево, знаю, отец был директором школы, был учителем ботаники и зоологии, это я помню. И удивительный человек тем, что вообще он и хорошо рисовал, а по натуре был большой любитель охоты и рыболов. А там речки, в Московской области много всяких рек и лесов много. И знаю, что в выходной отец обязательно уходил на охоту. Но что интересно, вы знаете, удивительно, я даже помню, в школах, где мы жили вот в деревнях, где он работал учителем, вот все коридоры и классы — перед глазами — были оформлены чучелами. И птицы, и зайцы, и всё. У него, оказывается, ну вообще-то были золотые руки, и он вот ходил, убивал, но обязательно заполнял всё это — и как образец. Это у него зоология и ботаника. И вот везде, где только можно, стояли, чтобы учить было проще, как выглядит. А так как и ботаник, а мне запомнились эти журналы толстые, пергаментная бумага, закладочка, надо же, аккуратный такой был, растения засушивал. Это он так преподавал детям, чтобы показать воочию, как выглядит, как называется. И вот такие журналы, как вот раньше были, до войны, для рисования, толстенькие такие. Вот много таких было. То есть и флора, и фауна, были всё оформлены для того, чтобы вот дети наглядно могли лучше запомнить и учиться. Вот такой был у меня папа. Ну мама была в тех селах домохозяйкой. Чем они отличались? Знаете, вот эти 1938-й, 1939-й и до 1940 года — деревня, село даже большое, удивительная была. Клуб был обязательно. И что интересно, какие вот школы были, какие преподаватели были — это в те-то года, я думаю, не только там, потому что любители, ну, отец там — пьесы ставили для сельчан. Я помню, еще в школу не ходила, а я приходила в клуб смотреть и запомнилось мне, я маму потом расспрашивала, можно сказать, всю жизнь, «Грозу». И мама Екатерину играла. Она немножко могла играть на гитаре, и такой приятный голосок. И так развлекались в деревне. Я вот всю жизнь иногда вспоминаю, думаю: надо же, какие были времена всё-таки. Деревня, да, клубы, битком забитые, когда вот эти пьесы ставили. Ну, это где-то было, наверное, до 1940 года. А потом, до этого уже начались репрессии. Завуч школы первого арестовали, ну и потом узнали, что расстреляли. Ну начались вот это, 1937-1938-й, это было ужасно. Я немножко вот отвлекусь, где-то уже в современное время. Мамы не стало в 1990 году. Я ее и в 1990-м и спрашивала всё-таки: «Мама, я помню, вот как вы пьесы ставили, в деревне жили, там клубы были, клубы работали, как папа вот всё обустроивал школы, там всё-всё вот помню, эти и альбомы всё помню. А вообще-то, ну как, как вы жили?» И представьте себе, она так серьезно говорила: «В страхе. Еще в каком». Я говорю: «Да, мам, я помню, жалели очень». Вот завуч был молодой, лет, наверное, 35, так вот, 33, ведь его не стало, вот ходили, а ведь его же расстреляли, его арестовали и расстреляли, вот такие были. Говорит: «Ты даже не представляешь, особенно ночью, боялись». Вот столь... Да каждую, говорит, ночь, вот где-то что-то ночью если стукнет, да, уже сразу приходили в волнение. Вот она о себе говорила: «За Иваном пришли, за Иваном пришли». Ну потом вскакиваешь — нет, тишина там, всё. Вот так, говорит, в общем-то, в страхе до самого ареста и жили, говорит. Такое было. В 1940 году мама хотела очень в Можайск переехать. Вот в 1940 году они переехали в Можайск из деревни, и там он тоже работал в школе, там десятилетка была, по-моему, в школе. Вот он тоже был преподавателем тех же предметов. А потом он был инспектором района, поставили,

ну, работал инспектором районо.

00:08:45

Ну, и тут в Можайске 1940 год был хороший, наступил 1941 год, а в 1941 году уже жизнь... началась война, и жизнь изменилась. Мы думали, что... Мама вот там поступила на работу, она мечтала поступить на работу в аптеку. И вот так застала война. Меня война застала, я была на станции Бородино у бабушки родной, станция Бородино. И я помню, как объявили войну, на платформе все собирались около... Тогда радио было круглое, знаете, как они, уже забыла, назывались-то, и все сбегались и смотрели, слушали радио. А мама в это время была в Можайске, отец там, потому что был открыт пионерский лагерь, каникулы летние, да, и вот он там был, так вот застало. А я в Бородино. Ну, потом забрали меня они к себе. Ну, и тут уже началось... Собственно, мы же и в оккупации были. Три месяца в оккупации. Мы с нетерпением ждали вот, и я, что... Даже сейчас помню эту фразу, как чуть: «Ну уж до Бородина дойдут, вот тут будет бой, вот тут немцам достанется». Так мы рассуждали, и дети особенно, потому что ведь и начались бомбежки города, в общем-то. Ну, скоро, мол, кончится, и, в общем-то, ждали этого Бородинского боя. Но его не было. В Бородино боя не было. И быстро-быстро, видите, 20 октября немцы заняли Можайск. Мы должны были уехать. Меня даже мама посылала на станцию Бородино, когда свободные, детей посылали за 10 километров, хоть бы что. Я по путям ходила к бабушке. Приведи, говорит, бабушку, мы будем эвакуироваться, еще думали. Я привела, с бабушкой вернулись из Бородино в Можайск, но, к сожалению, разбомбили состав, станцию. И мы остались в Можайске, так остались в оккупации. Отец и руководство города, просто я знаю, они ушли куда-то в партизаны. Там деревень-то много, и глухих деревень. И, в общем, накануне оккупации, ну, наверное, дня за два, они из города ушли. Мы остались с мамой, но так как соседи знали, что отец, ну, как бы в партизаны, руководство всё ушло в лес в деревне. На всякий случай наши близкие друзья сказали, что давайте-ка вы со своего это... пожили... там квартиры, переходите туда, дом рядом с нами, наши друзья говорят, свободный, эвакуировались и стоит пустой. В другой конец Можайска переехали, «чтобы вы не очень-то на глазах там были». Вот мы с мамой туда и перешли, к этим друзьям. А вот оккупация, ну, как вам сказать, конечно, страшно было. Боя вот как такового, вот такого настоящего, за Можайск, в общем-то, и не было. Как видела, я, например, и помню, как наши отступали войска. А немцы, в общем-то, так тихо вошли. Другое дело, когда потом через три месяца ровно, 20 октября заняли, а где-то 21 января-февраля Можайск освободили, вот там были бои такие... В наш дом даже попало, попал снаряд, но мы в подвале сохранились в этом плане. Как оккупация прошла? Я, может быть, скажу вам, не знаю, будет интересно или неинтересно, но немцы разные были. Кушать-то, в общем-то, как-то нечего было. И дети есть дети. Я морально потом став такой более-менее взрослой, я уже как бы себя ругала: ну ты чего просила у немцев есть? Ну, как все дети. Подходили, знаете, они были... кухни на улице держали. Подходили и вроде с котелком, ну, что-нибудь: или суп, или кашу. И некоторые давали немцы. Некоторые немцы были такие: «Киндер, киндер, сюда, давай это...» — сами накладывали. И были [такие], которые отгоняли: «Иди!» — ну зло отгоняли. Когда забрали Можайск, интересное было, я вот поражаюсь своей мамой. Мы всё-таки были в убежище городском. Там есть гора в Можайске, стоит церковь большая, а в горе были сделаны склады городские. И там многие жители Можайска туда, когда уже немцы подходили, в общем, туда от обстрела уходили мы. И когда вышли утром как-то вот, стали оглядываться, а немцы вошли в Можайск уже. Испугались, испугались, но стояли снаружи. Мы вышли из... внутри горы были сделаны склады, вышли на площадку на эту свободную. Немцы нас увидели, много народу, много, не только мы с мамой, а вообще много городских было. И вот представьте как: пришли к нам, стали всех разглядывать, причем пришли не простые немцы, а эсэсовцы. По форме мы... ну вот узнали, в черном были. Эсэсовцы стали всех разглядывать и потом к одной придрались — то, что у меня перед глазами — «Юдэ, юдэ», значит, и вытаскивают из этого... Вы бы видели мою маму, она храброй была. Она перед ней встала, закрыла собой и говорит: «Нет, нет, — и давай объяснять: Украинка, хохол, хохол». И поворачивается к ней: «Где паспорт, давай паспорт сюда!» Ну эта женщина дала, она брюнетка была, дала паспорт, и вот она всё перед немцем. «Вот смотрите, вот хохол, хохол, украинка, украинка». И они ушли, ее не забрали, не забрали. И вот эта картина, вы знаете, как бывает по жизни, какое-то было кино. Прошло уже даже много лет. И представьте себе аналогичную картину, что сделала мама, вот так прям закрыла, был такой кадр в художественном фильме. Думаю: во! И я ей всё время всю жизнь говорю: «Мама, ты у меня героиня». В общем-то, ну, действительно. И еще она сама потом говорит... Вообще-то это уже прошло много лет, вообще-то, конечно, героиня, я говорю: «Мама, когда начался бой за Можайск, ведь уже обстрелы были Можайска. Я же помню, хорошо, ты однажды, уже обстрел шел, а ты взяла санки большие и ушла. Я одна осталась дома. А потом, — я говорю, — ты привезла на санках человека». И что интересно, да, я узнала: кто-то из соседней сказали, что убит, в поле лежит труп... а был... окраина Можайска, и как бы на пригорке, а внизу было поле. И далеко от нашего дома всё-таки, но через поле дорога шла. И вот она... Сказали, что труп, а он был секретарем горкома партии. И она поехала, а так как отец-то всё-таки на такой должности, его все знали, в общем-то, и хорошо отзывались там, и всё. А это руководство, то есть они знали друг друга-то, вот это вот всё. И она поехала и привезла труп на санках. Я

говору: «Мам, я помню». Ведь у нас терраса в этом доме была. И рядом с террасой, дня два или три, пока Можайск потом вот взяли, дня два или три у нас эти санки с трупом около дома лежали, ну она туда спрятала, и всё. Когда наши вошли, освободили, естественно, его похоронили. Вы знаете, я, к сожалению, уже по старости забыла фамилии, всю жизнь помнила, а последние года я забыла. Но. Ведь сейчас ему стоит памятник около дома правительства в Можайске. Вот то, что я вам сказала, этого Можайские руководители тогда знали. Это мама сказала, мама отдала санки, его потом похоронили, и его у дома правительства Можайского... Я когда ездила к бабушке в Бородино, и там родня потом жила, я дважды через Можайск специально ехала и подходила к могиле, и стояла, и смотрела, думала: боже мой, а вот тут похоронен руководитель, а за трупом в поле, уже обстрел начался, а мама у меня его привезла. Я только хочу сказать, можете в это поверить, можете не поверить, знает наша семья, ну вот я, вернее, я знаю, знаю, и мама когда говорила, я говорю: «Ты у меня вообще-то, героиня, как, помнишь, ты спасала, а за трупом ехала, ездила». Я когда узнала — это же надо, одна! Сказали, узнала. Она: «Да...» Ну так... Ее очень все любили. «Да, — говорит, — вообще-то, я как героиня». Я говорю: «Но об этом никто не знает». Я никогда не ездила... Тех уже людей нет, которые... Руководитель, секретарь горкома партии... Конечно, знали, его же, он же лежит в сквере, этот до сих пор памятник большой, всё, сохранился [бы] в поле труп, или бы положили в общую, или как там было, неизвестно, но как же — руководитель города, как же маме не поехать, вот такая у меня была мама, представляете? Вот это моя любимая фотография. Отчаянная была. Освободили Можайск, спокойно живем. Отцу приходило... Ну вернулись все, когда освободили, все руководители, и ему приходили, в армию хотели забрать, на фронт, на фронт, а его руководители не отпускали ни в какую, дважды или даже трижды. Это и мама говорит: «Ну зачем, — там она называла по имени-отчеству секретаря горкома, — ну зачем вот они Ивана на фронт не пустили?» А вот восстановление школ — в округе, не только в Можайске, но в округе Можайского района были разрушены, и чтобы начались занятия, восстановление школ. Он был ответственный, ну и много знал, и деревень знал, и всё, и разъезжал по деревням.

00:24:35

А однажды... А аресты-то, в общем-то, они продолжались, и не только 1938-й, 1937-й, 1938-й, 1939 год, все года, да, а это наступил 1942 год, потому что в январе 1942-го освободили там Можайск, 21 января. А потом летом пришли милиционеры к нам в квартиру и начали обыск. Сорвали... Я сейчас помню, это был вот уже 1942 год, мне уже 11 лет было, и я помню, я стою, и почему-то даже срывали и шторы, и карнизы, и постель-то перевернули, и чего-то перья из подушек, в общем, всё порезали, всё, и отца арестовали, увели. Мама на следующее же утро [пошла] к самым высоким этим. Они говорят: «Мы не знаем, — руководители города говорят, — мы не знаем, Клавдия Ивановна, что там случилось, как случилось». Ну, она, в общем-то, первые несколько дней к ним заходила: «Ну, как Иван, как Иван?» И они сказали ей, что «Клавдия Ивановна, мы сделать ничего не можем». Я понимаю, кто это заступится за человека, когда вот забирают? «Мы сделать ничего не можем, вот его направят в Москву». А так как всё-таки мама многих знала в городе и маму знали, судья городской сказал: «Клава, если можешь, уезжайте из Можайска с дочкой». Его вот... Я расскажу, как в Москву его провожали. В Москве состоялся суд, его признали врагом народа и расстреляли. А донос написал, судья маме сказал, была одна еще до войны уборщица, и отец ее уволил с работы, мама говорит, это такая вредная женщина была, попадаются, говорит, всё. И Иван, говорит, надоело ему ругать, там что-то она не выполняла, и она написала донос на отца, что так как всё-таки три месяца не было в городе, в общем, помогал, что-то помогал, в общем, с немцами дело имел как будто бы. И вот его забрали, расстреляли, и когда... Да, мы не поехали, нам ехать было некуда. Когда сказала эта, что его расстреляли, говорит: «Вас сошлют, постарайтесь куда-нибудь лучше уехать». Но мы никуда, некуда было ехать, собственно, остались в Можайске.

00:28:22

И в 1943 году вот так же неожиданно уже для нас — мама работала в госпитале — пришли два милиционера и [говорят]: «Где мама?» Говорю: «На работе, вот она в госпитале работает». «Пойдем». Ну и вот пошла с ними, оказывается, они пришли нас выслать. Пришли в госпиталь. Мама пошла к начальнику госпиталя сообщить, что вот за ней пришли, арестовывают, и дочь, и маму арестовывают, вот пришли за нами. Еще она сказала, говорит, начальник госпиталя, он не знал, что я есть, дочь, да, как-то так. «Клавдия Ивановна, давайте я вас сейчас быстро на фронт пошлю, как будто бы вас нету». Она говорит: «Да дочка стоит с ними, куда вы меня пошлете, сделать ничего не могу». Ну и вот пошла домой, она на колени вставала, она: «Сейчас, — говорит, — я соберу ей узелок, и она к маме к моей, к своей бабушке на станцию Бородино, она сейчас уйдет при вас. Не забирайте ее». «А мы не можем, она с вами только». Ну и потом я узнала, тут есть решение «тройки», как членов семьи, прочитаете потом здесь, найдете, как членов семьи [врага народа] Тумареву Клавдию Ивановну и дочь Тумареву Дину

Ивановну сослать. И вот они за нами пришли, потому что они пришли в обед, а вечером приходит поезд, который останавливается в Можайске, нас сопровождали они, вот сколько могли взять вещей... Ну надо сказать, что добрые попались милиционеры, они маме подсказали, говорят: «Знаете, пока вы будете собираться, в общем часа через четыре или пять должен поезд подойти, — а мы недалеко от вокзала жили — есть время, пускай... У вас есть огород?» Она говорит: «Есть». «Пускай, — говорит, — пошлите дочку, пускай она вам картошечки, морковочки, быстренько соберет, успеете еще даже и сварить, вам пригодятся». Ведь голод такой был настоящий. Соберется... Я пошла, это всё сделала, и даже вот разрешили в сад-огород и немножко обеспечить на первое [время]. Интересно было, как всё... Приехали, ну забрали нас, сопровождали до Москвы, в отдельном закуточке, что меня всю жизнь, как-то так я вспоминала, и поражало, как четко работала машина: а нас там ворон ждал, воронок вот этот вот черный, туда посадили и повезли в тюрьму. А про тюрьму я интересно узнала, в тюрьме, мне казалось, было большое, большое помещение, куда собирали таких, как мы, мы с мамой приехали, еще одна должна была из Можайска... девочку забрать, ей 16 лет было, но ни мамы, ни папы, мы ничего не знали, знаем только, вот она одна, дочь, должны были дочь забрать, но в тот день, когда за нами пришли, у нее была высокая температура, она была простужена, ее оставили в Можайске, но ее привезли через неделю, она поправилась, эта девочка шестнадцатилетняя, и привезли ее в нашу камеру. Ну, собственно, камера, камера, ну большое помещение, и туда к нам вот привозили и стариков, и старушек, пожилых я имею в виду, не старик и старуха, а пожилых таких, возраст, и молодые женщины. Даже я покажу вам, фото одно есть, их четверо, дружили, три москвички и мама четвертая, они сфотографированы там уже, сосланы. И вот они... Мы там прожили, мне показалось, в тюрьме, показалось, долго жили, там были, но маму потом я расспрашивала, я говорю, мне показалось, говорю: «Мам, мы наверное месяца два или три». Но мама сказала: «Да нет, дочь, что ты, мы, — говорит, — только месяц просидели». К нам приходила туда каждое воскресенье, родная... В Москве, мы вот в тюрьме, я помню, приходила мамина родная сестра каждое воскресенье. И я представила... Смотрела в окно в воскресенье, там вдали вот тетя появилась, и я уже: «Мам, тетя Маруся идет». Сюда она приходила, и в это время даже еще в определенные часы во двор выпускали, а я, а меня как девочку, одна я была девочка и в тюрьме, и когда ссылали, одна я была, и вот меня выпускали, я к воротам могла подойти и чуть-чуть с теткой поговорить, а потом уже вот наступал час, когда выпускали во двор для прогулки. Ну, мама говорит, что мы тут месяц были. Прошло много лет, я понятия не имела, в какой тюрьме мы сидели, а мама тем более, она и не интересовалась — тюрьме и в тюрьме. А потом вот стала ездить в Москву к тетке, ну уже много прошло времени, и я вспомнила, говорю: «Тетя Маруся, а в какую тюрьму вы приходили, я еще, — говорю, — смотрела тогда, дорога где-то вдали и было вас видно, я радовалась». «А вы что, не знаете, где вы сидели?» Я говорю: «Нет, тетя Маруся, не знаю». «И мать не знает?» Я говорю... Я ее спрашивала: «А в какой тюрьме?» Она сказала: «Понятия не имею, не знаю». «Да в Бутырках же вы сидели, ты что, как можно не знать?» Значит, мы в Бутырках сидели вот этот месяц. А потом нас, тут написано, сослали в Сибирь, в Красноярский край, в тайгу. И тут написано, вот вы потом читаете всякие переписки мои, и решения, и всё прочтете, есть вот документ, как изменника родины, и как, и на сколько семью высылают, пять лет, до 1948 года, [на] решение НКВД тут ссылаются, «тройки», НКВД. И вот однажды, значит, приехали, уже было полно народа в тюрьме, пора уже было нас вывозить, и нас на воронках, значит, всех на Ярославский вокзал, в тюремный вагон, ну простой вагон, а окошки маленькие, решетчатые. Мне дали место, кто-то на полу, кто-то на нарах, я на нарах, и мне, конечно, как девочке, дали к окошку, к решетке, это же было лето, это, значит, июль, где-то конец... Август наступил, август, и вот нас повезли в Сибирь. Я у окошка лежала. Что интересно, нам еду давали, приносили что-то, наверное, я не помню, завтрак, ужин давали или нет, но вот что мы ели суп — это точно, приносили бочонок там, наливали. Но самое страшное было то, что двери были закрыты и не разрешали открывать, вот только что было два окошка, с одной стороны, вот я около него лежала, и еще одно окошко маленькое. Было жутко жарко, дверь открывать нельзя, окошко маленькое совсем, и приносили только вот, воду не приносили, вот жарница, пить хочется, двери закрыты, воды нет, и воды не приносили. И я вот на всю жизнь запомнила, как я хотела пить, а воды нету. Мне кажется, вот эта жажда была всё время. Ну только когда приносят еду, вот сколько-то и воды давали, и душно очень, и тут же ведь ведро общее там стоит. И однажды на одном из полустанков... И мы так ехали, сейчас, вначале скажу, как только мы проехали Урал полностью, это сколько дней нас везли, а часто мы подолгу стояли, потому что на полустанках всяких, ну, пропускали встречные поезда, потом нас опять цепляли и дальше вот везли в Сибирь-то. Ну и вот только переехали Урал полностью и заехали в Сибирь. Ну были в Сибири, знали, что всё, Сибирь, всё, наши мучения закончились, [от] духоты, всего. Разрешили открывать дверь, хоть так открывай, полностью, хоть щели делай, более того, и когда ехали по Сибири, то разрешили даже и самим набирать воду. А тогда ведь все станции, которые настоящие станции и мы останавливались, ведь были по несколько вот этих вот кранов, и потом... А слив как корыто такое, набирай воды сколько хочешь, мы там умывались, мы там рядом и вытирались, в общем, мы зажили вот в этом плане, наконец, по-человечески. Но когда нас везли по Уралу, вот в это время не давали воды. Однажды мы стояли на каком-то полустанке, и пошел дождь. Пошел дождь. Естественно, так как очень хотелось пить, я вытащила руку с кружкой под крышу, и набирать воды. А в тамбурах часовые стояли, молодые

ребята, наверное им лет по 22, такие все. Мы стояли, я вытащила, думаю: ой, сейчас дождя наберу с крыши вагона, а он выстрелил... и вышиб кружку. Вышиб кружку, ну вышиб, вышиб, но сам факт. Вот первое такое [воспоминание], которое просто так удержаться тяжело. Потом мама рассказывала дочке, когда вот много лет прошло, говорит, да, не давали пить, да еще — я этого не помню, это мне ее мама, бабушка сказала — еще селедку давали. Ну вот в обед селедку давали, поэтому, я говорю, я никогда в жизни так пить не хотела, как вот — казалось мне, всю жизнь прожила, — как вот то, что когда нас везли туда. Ну, привезли в Красноярск. Привезли в Красноярск. Всех перевезли на берег, окраина Красноярска, и всех привезли на берег Енисея, на берег Енисея высадили всех. Большая, большая группа такая, всё. И мы, сколько, две ночи, что ли, жили на берегу реки. Должна была прийти баржа, нас туда загнать, а потом по Енисею. А потом узнали, поворот был, Усть-Мана речка маленькая, называлась Усть-Мана, в Енисей впадала, но нас куда-то, в общем, от Красноярска туда — и увезти уже действительно в тайгу. Но вот когда мы были на берегу Енисея, я отлично помню, запомнила всё и потом вот с мамой на эту тему много говорила, я говорю: «Мам, а ведь какая была паника, вот мы уже, нас привезли на берег, а потом, — говорю, — где-то полсуток прошло или сколько, такая паника, что нас на баржу и потопят. Вот эта паника была». Я говорю: «Я помню, такая паника, ты так рыдала, так плакала!» Она так, в общем, тоже всю жизнь, она боялась за меня. «Да, — говорит, — была паника, да, плакала там, рыдала. Я за тебя боялась, дочь, за тебя». Поэтому была чуть ли не в истерике. И прошло когда даже много лет, даже в 1990 году, когда мамы не стало, и я с ней говорила всё-таки до конца, я говорю: «Мам, а я вот не верю, неужели действительно?.. Вот откуда паника взялась, что нас потопят, а откуда ты взяла?» Я говорю: «Выдумали». И вот до конца своих лет: «Нет, было, что затопили, — с такой уверенностью, — паника не зря была. Не может...» Ну точно вот она уверена была, что — у нас действительно паника там большая была, — что было такое, могли. А у нас получилось так, значит, потом нас в хороший... Сколько мы там на берегу-то, наверное, два дня были. А потом нас... Пришла, пригнал катер баржу, а Енисей широкий-широкий у Красноярска, окраина Красноярска, и островок посреди Енисея, он огибал этот остров, островочек, он и сейчас, он везде, там их два даже. Ну и вот, они поставили около этого, посреди Енисея баржу, и туда нас, значит, посадили. И тут, вот тут еще у мамы еще больше, наверное, истерика была, что посреди Енисея ну, значит, повезут и что-то такое. И в эту ночь, первую ночь, нас привезли днем, а потом на следующий день где-то с утра нас, баржу, стал катер увозить, вот я сказала, потом скажу, куда повезли. А эту ночь, которую мы там были, она открытая, только борта есть, да, открытая, ну такая гроза — не передать: молния, гроза, ливень. Мама достала одеяло, я помню, она меня просто с головой вот укрыла, гроза прошла, ливень прошел, было как-то страшно, а я грозу боюсь вообще всю жизнь, а тут как на редкость была. Но наутро хорошая погода, солнце, нас повезли и привезли в Усть-Ману, по Усть-Мане повернули, приток Енисея, и туда по Усть-Мане пошли, нас катер повез. Привезли. Несколько домиков, берег реки, несколько домиков деревянных стоит, нас там выгрузили на берег опять, оставили всех на берегу речки, уже только вот маленькой, оставили. И должны были нас перетащить, вещи, всё, в школу, в спортивный зал. И нас туда поселили. Но так как девочка я одна была, то из одного из этих домов пришла женщина, увидела, ну подошла. Нас привезли партию, большую партию разного возраста, привезли, высадили на берегу, и катер ушел — и как знаешь, там разберешься. И она пришла, говорит: «Знаете... Где мама, — ко мне подошла, — где мама?» Я показала, и она сказала: «Знаете, у меня есть, я в доме живу. У меня есть, — говорит, — один закуточек, там стоит полуторная кровать и маленький столик. Забирай девочку, пойдём вот в мой дом». А не то бы мы на полу все в спортивном зале, да, ничего же нет, на полу. А девочку она пожалела: «Забирай девочку — и ко мне». И мы у нее остановились, но это... Там несколько домов было, несколько домов было. И вот мы были на берегу. То есть там прожили небольшое время, потому что в самом Красноярске жил мамин родной брат. И он был директором небольшого лесозавода. Мы с мамой где-то, наверное, недельки через две, еще была хорошая погода, мама решила пойти в Красноярск, а это — пойти в Красноярск — 32 или 34 километра, и это нужно было пройти тайгой пешком, ну грунтовая дорога была, дорога была. И вот так... Уже успели... Нет, еще не дошло до этого. В общем, мама говорит: «Пока погода хорошая, тепло, пойдём искать дядю Володю». Адрес у нее был, у мамы был адрес. Во-первых...А иначе как-то страшно было подумать. Ну она из-за меня очень переживала. Ну пойдём пешком. И вот представьте, выдержала, по тайге. Мы вышли, наверное, часов в пять-шесть утра на эту грунтовую дорогу от этого вот берега, и там через тайгу есть небольшая дорога, и вот мы пошли пешком. Шли мы до вечера, потихоньку, но всё-таки прошли эти 34 километра. Всю жизнь я вспоминаю, что, Дина Ивановна, а как ты всё-таки выдержала-то, всё-таки тогда? Я помню, что я боялась всю жизнь как-то волков. Ну какие-то пушистые зверьки дорогу перебежали, но бог миловал, да, дорога такая накатанная, и только один раз нам навстречу на телеге, ну вот с лошадей, с телегой, ехал навстречу один мужчина, больше мы никого и не встречали. И так мы прошли всю эту тайгу и вышли на окраину. Давай искать, где живет дядя Володя. Нашли адрес его. А он как раз был в командировке, его не было, но оказалась, в общем, его жена и говорит: «Он будет позже». И рассказала мама, что ждать мы не можем, отпустили ее на короткое время, она сказала: «Мне, — не скрывала, — дочку надо пристроить». Ну в общем-то там мы остались ночевать, дождалась дядю Володю на следующий день. И мама сказала, говорит, как-то надо меня спасать, потому что обе не выживем ни в коем случае. Есть

нечего в общем-то. Ну и конечно, он согласился, он согласился. Но мы вынуждены были сразу опять уйти на следующий день туда, а он, вы думаете, просто? Нет. А дядя Володя, он ходил на прием к секретарю горкома, крайкома, это же край, крайкома партии. Рассказал, что вот сестра родная, там-то там-то находится она с дочкой, «разрешите мне или удочерить, забрать, как хотите, забрать девочку, вдвоем они не выживут». Секретарь крайкома разрешил. Разрешил. И когда на следующий раз, ну уже мы дождалась, не пешком шли, конечно, туда-сюда, а катер, приходил катер к этому месту, и мы к дяде Володе поехали и заодно надо было купить кое-какие продукты, в общем-то, всё это оформить еще надо было, мы уже на катере туда-сюда съездили. Вернулись до... Разрешение, оформление там, дядя Володя, — видимо, не очень просто было, да — разрешение получил, чтобы меня забрать. Я еще там оставалась, наступила осень. Ужасная. Наступила осень, и шла уже шуга — это маленькие льдинки, стало... стал приток уже леденеть, и маленькие льдинки. И вот наших сосланных, в том числе и мама, в длинных сапогах резиновых вот до сих пор, до паха, и туда уходили с берега в воду и сплавляли лес, бревна, стоя вот так вот в воде. Я в это время по окраине тайги ходила. Там такая ягодка, саякая ягодка, там кислица, травка, там всё, наберу, прихожу на берег, вот это мне запомнилось, врезалось в память, лучше бы вот забыть бы, а нет. И я на берегу и [кричу]: «Мама, мама, иди! — зову. — Я нашла в тайге там ягодку». Вот она увидит меня, выходит на берег, ну, со мной побудет, поговорит, вот я отдам там то ягодки, то зелень какую-то. Но знаете, вот видеть эти льдины уже, а они сплавляют лес, наши женщины... Мужчин-то не было, молодые женщины. Причем, да, я самое главное не сказала, кто же был вот набитый, приехал-то. Жены, матери и отцы пожилые. Понятия не имели, вот у кого спрашивали, понятия не имели: что-то сделал на фронте, мужья что-то на фронте — и отцы, матери, ссылали вот пожилых уже людей за сына, да. А что сделал, не сказали. Вот ссылали — и всё. По крайней мере никто, вот с кем мама была близка, действительно не знали, понятия не имели. Если вы потом разрешите, я вам скажу свое мнение, почему такое случилось, почему.

00:57:52

Вы сюда просто переложите руки. Вам так будет удобнее, не наклоняйтесь только.

00:57:57

Почему, это я спустя многие десятилетия поняла, и почему. Но я, это концовка, потом объясню. Ну и, в общем-то, так прошла осень частично, прошла осень, и дядя Володя, в общем, не знаю, с кем-то, наверное с катером или что-то, прислал, чтобы мама меня к нему привозила. И я от мамы уехала, и он забрал к себе, меня в свою семью забрал. Я осталась у него. Это, значит, конец 1943 года, последние где-то месяца, наверное, ноябрь, декабрь, и начало 1944 года. А мама, естественно, вернулась туда, к себе на место. Мама еще разрешение получила... Да, а в 1944 году дядю направили, так как он был всё-таки руководителем и, в общем, кончал питецкий институт или техникум какой-то по деревообработке, в общем, поэтому он был директором и лесозавода, и какого-то строительного треста, по-всякому было, да. Его, сказали, что в 1944 году направили в Белоруссию на работу из Красноярск. Дали вагон даже, и он один уехал сам туда, вот уже в Белоруссию, семья, и я с ними осталась, и когда дал команду, в вагон погрузились и уехали. В Белоруссии я уже до 1948 года, я жила у дяди. Несколько лет. Там я училась в Минске, закончила семь классов. А потом меня взяла к себе родная сестра мамина, тетя. В Рыбное, это рязанская... Рязань, Рыбное, недалеко от Рязани. Она... Там я закончила семь классов, а восьмой класс я уже кончала в Рыбном, у тети. Тетя забрала меня к себе. Ну надо было забрать уже, хватит у дяди жить, тетя забрала. Вот год я жила у них, у тети. В 1948 году уже за мной приехала... В 1948 году закончилась, вот эта вот есть бумага, пятилетка кончилась, с 1943-го по 1948 год. Разрешили ей выехать из Красноярск за мной, за мной, не совсем. Потому что, оказывается, потом жизнь показала, это пять плюс пять [лет]. Пять — это вот нас сослали, а потом пять мы не имеем права сюда возвращаться. Мама хотела. Родня-то вся — Москва и Московская область. Она ходила в КГБ, но запрещено было ей выезжать. Ну и вот в 1948 году она уже за мной приехала, меня забрала в Красноярск. Девятый и десятый класс я заканчивала в Красноярске. Чем еще было вот удивительнее, мама всю жизнь рыдала, пока вспоминали эту картину. Мама осталась одна, поэтому она выжила. Но их с этого места, куда нас привезли, их перевели также в тайге, также на берегу реки, но в другое место. Люди умирали очень многие. И их перевели ближе туда вроде бы к Красноярску, но на берегу этой же маленькой Усть-Маны, этой речки, и работали, она писала потом, рассказывала, они в тайге варили какое-то месиво, похожее на деготь. Так мама и не знает, что они варили, но что-то очень, наверное, ядовитое, потому что совсем стали люди умирать и кашлять кровью, там всё. Вот так вот. В тайге они вот работали с этим. Но мама где-то в 1946 году не вытерпела и поехала в Красноярск, в КГБ, в КГБ, и была на приеме, там ее перевезли, нашла она рыбака, через Енисей на лодке, и она пошла в КГБ, говорит... Ну, в общем, рассказала: «Я должна оттуда, разрешите оттуда уехать и переехать в Красноярск». И представьте себе, ну она рассказала всё, и представьте... Или, говорит, это что-то, нет, или он сказал нет, она говорит: «Ну тогда раз есть вот постановление, ну и меня расстреляйте. Я не могу уже, там

практически никого не осталось, на этом берегу-то, в живых-то. Ну, — говорит, — тогда расстреливайте меня». Она когда ехала в КГБ, она думала, говорит: «У меня, дочь, была мысль тогда: вот через Енисей — и покончить собой». Вроде того что были такие мысли: если не разрешат, это всё равно не жизнь. Есть, в общем-то, нечего было, обстановка ужасная. Что интересно, мама всю жизнь, можно... Да, ей разрешили в Красноярске поселиться, в Красноярске поселиться разрешили. И она переехала на окраину в Красноярск, и разрешили, значит, ей работать. Она даже работала в детдоме с детьми. Потом из детдома с детьми... Мама умудрилась разругаться с заведующей, дети... Кормили, но, в общем-то, тяжелый всё-таки... Голодуха-то всё равно продолжалась, была, да. А там колхозные поля: морковка, капуста, картошечка — можно запечь. И детдомовцы ходили воровать. Некоторые их ругали, не разрешали, а мама детям всё разрешала. «Только, — говорит, — ребятки, осторожно, не мните ничего, ну каждый себе возьмите, всё». И когда приходили, мама даже смеялась, потом рассказывала, она говорит: «Дочь, так они кто морковку [принесет]: “Клавдия Ивановна, съешьте морковку”, кто кусок капусты, вот такие дети были». А заведующая любила выпить, компания у нее, и как-то... а хлебушка-то мало, в общем, но это детей касалось. Ну мама не могла видеть, что вот там пьянка, там что-то, а дети страдают собственные, не очень питание, соответственно. Мама высказала ей. Ну и была немедленно уволена, естественно. Но она тут же, в общем-то, ее взяли, рядом, тоже на берегу, недалеко, ну окраина Красноярска, туберкулезный диспансер. Ну дети, дети, дети, большой, много детей там было. Маму туда взяли, вот она там работала, в диспансере. Ну это года шли, это уже был, наверное, 1947 год. Детям привозили кино, киномеханик. И вот один мужчина на маму глаз положил, стал ухаживать. Красноярец, с Красноярска. Но он был в армии, был в самом пекле — Сталинградская битва. Это отдельный разговор, я уж трогать его не буду. И ранение, хромал, и тут осколок в голове остался. В общем, он маме не давал проходу, ухаживал за мамой. А красноярец — у него была крыша над головой, на заводе работал, и даже комнату дали ему, даже комнату. Ну в общем, он маме был как это... Как теперь называют, мужем. Мужем был ее. Но расписаны не были, гражданский муж. Они много, они в общей сложности потом 35 лет прожили. Хотя он был намного моложе ее, но он прохода... Потом она вернулась сюда в 1956 году, в Голицыно, уже всё-таки можно было. И он за ней, она думала, он не поедет, он красноярец, но он — нет, только с ней. Они зарегистрировались и вместе приехали, было, было такое. Ну вот. Когда в Красноярск она переехала, в сам город Красноярск, она уже устроилась в аптеку, она в аптеке до войны работала, в аптеку. Ее зааптекой, слава богу, взял, взяла к себе на работу, потому что у нее было с мужем то же самое, что вот у мамы, и она сочувствовала и маму взяла на работу. Она работала в ручном отделе, да чтобы ни... И ездила за товаром, разгружала, в общем, она золотые руки, грамотный человек, и там она до конца, вот до 1956 года так и работала. И за мной-то приехала, она уже в аптеке [работала], вот комната была, и забрала меня к себе. Вот девятый и десятый класс я там кончала. А потом получилось что: 1953 год, 1953 год, считайте, 48 и 5 — 1953 год. Пять плюс пять. Мама опять пошла, да пошла-то, в общем, наверное, в милицию, что ли, в НКВД. Вернуться сюда. Прошло... 1953 год. И она пошла к генералу на прием, чтобы разрешили ей уехать вот сюда, и сказала: «Там дочка у меня учится». И что тут началось в кабинете... «Как, дочка учится? А какое право она имела уезжать из Красноярска? Она никакого не имела права, дочь ваша, уезжать! А вы проситесь, мол, вот туда, дочь! Какая, как в Москву?! Я немедленно сейчас сообщу, и ее из института уволят!» Мама, конечно, в слезы, говорит, пришла на берег Енисея, «что я наделала, что я наделала», истерика. Но делать нечего, в общем, что есть, то есть.

01:11:22

Но она была где-то в январе или феврале, а в 1953 году, сами знаете, 5 марта мне мама присылает телеграмму поздравительную на общежитие, я в общежитии жила: «С днем рождения». А Дина Ивановна, как и многие студентки, вся в слезах: Сталин умер, что же будет с Россией-то, с СССР? Сталина не стало. Мы с институтскими и на Лубянку ходили, пытались прорваться, посмотреть, ну когда он лежал в этом... На Пушкинской это вот это [нрзб], да, где лежал, думали, что мы попадем, мы попросимся. Не только я рыдала, плакали многие. А я в тот день на маму прям такая обиженная была, что «ну зачем ты прислала», я потом ей говорю: «Сталин умер, а ты меня поздравляешь в этот день». В общем, этот генерал, он никуда не сообщил, в институт не сообщил, так что я спокойно его закончила, а в 1956 году мама уже в Голицыно, там вот сестра ее жила, вот переехала уже окончательно. И уже на работу строилась, и уже, в общем, как-то. Потом дали деду квартиру, а он тоже на работу устроился, фронтовик, но он и строил, как раньше были, эти года, и уже какие, 1970-е, 60 с лишним. И ей-то дали, именно ей дали в коммуналке комнату, там много жило, в Немчиновке комнату дали, вот там она много лет прожила. К ней в отпуск приезжала из Душанбе. Вот, а потом дали в Одинцово квартиру однокомнатную, вот там они и жили, там и мамы не стало в 1990 году. Были... Удивительный человек, конечно, она у меня была. А в 1998 деда через восемь лет не стало. Вот такие, в общем-то, события были. Почему я вот сказала... Дед же был фронтовик всё-таки.

01:14:32

А вы его дедом называли?

Я его дедом, дедом называла. Он очень любил... Ну какие свои дети. Он очень любил [мою] дочку, и он ее это самое... И я ее присылала из Душанбе каждое лето, она когда пошла в школу в первый класс, вот с первого класса и по девятый класс я ее отправляла к маме. У нее, знаете, начиналась аллергия, там же кругом — Душанбе — везде хлопковые поля, наверное от этого. К маме ее отправляла каждый год оттуда, а я там работала, в общем-то, ну, в Душанбе. Работа у меня была, конечно, всякое. И в Академии наук работала, в энергетическом отделе, потому что я кончала институт — инженер-теплотехник. И были у нас, в Новороссийск ездили, на котельных мы проводили практику, на котельных, ну, в курсе турбин, котлов — вот это, теплотехник, в общем, была. И там потом я с отдела академии... С академии ушла, потому что мне работа... Там делать нечего, и я пошла в энергетику. И я проработала в министерстве вначале года два, а потом поняла, что, в общем-то, тоже мне надо что-то такое... Я отчеты получаю, всё, а я мало знаю оборудование само, и я ушла работать на саму ТЭЦ, она единственная была в Душанбе, и я пошла на ТЭЦ, и меня назначили, в общем, я стала, вернее, поставили рядом с одной организацией, которая как раз переделывала котельное оборудование. И я с ними, в общем, как бы прошла такую практику, училась, и потом я стала таким специалистом, всё знала по этой... турбинное оборудование, и там котельные, и там я проработала 15 лет, на ТЭЦ. Много чего узнала, много схем делала, много писала всяких инструкций по эксплуатации уже оборудования, с оборудованием дело имела. В общем, тяжелая была работа, но Дина Ивановна такая по натуре и гордая была, и довольная. Уставала, приходила вот. И жарыща, да еще котельная, там на станции-то это, еле приходила, на пол ложилась и вот отдыхала, потом уже делами занималась, но была горда: я же работаю на ТЭЦ, я же уже всё это изучила, я знаю, я знала: мной дорожат, руководство очень довольно, там задания давали. Самое главное — что я нужна людям. Честное слово, вот что такое? Я такая, что вот я приношу людям [пользу], по крайней мере ТЭЦ работает, в том числе кусочек мой, очень, без меня... Из оборудования, как его сдавали в эксплуатацию после ремонта, без моей подписи не было, вот особенно котлов, вот я знала. Ну и вот довольная, что я приношу не только людям, но и производству [пользу]. Мы пар передавали многим предприятиям. Мясокомбинату. По трубам, это уже производство, уже другие все заводы, несколько, штук пять или шесть заводов, которые от нас пар брали нужный. То есть я все эти знала схемы, в общем, я приходила гордая, что я приношу пользу, действительно. Я приношу пользу, потому что моя должность, моя работа, она очень нужна для людей, для предприятий. Я морально — уставала и всё, — но я морально была собой довольна, своей такой вот работой, да. Такая натура была. Что я вам еще хотела... Да. И вот про деда я начала говорить, называя, опять я беру... Деда. Ни один фронтовик, вы заметили, вы тоже знаете, настоящий, принимавший участие в каких-либо боях, типа Сталинградской битвы, сибиряк, их прислали состав целый, они в Подольске как... Да, я немножко вперед уже ушла. Сколько лет они прожили, сколько я просила деда: расскажи про Сталинградскую битву, ну как, как ты воевал — нет. И я заметила, мне другие говорили, кто был на фронте, на настоящем, никто не рассказывал, как и что было на фронте. Ну большинство, многих таких. В том числе и дед — не любил. Но когда он постарел и заболел, и когда уже вот мы собирались больницу ложиться... Я тогда жила, мы жили уже во Владимирской области, там в Александров переехали, там тоже почти четверть века прожили, здесь только 16 лет. Я его... Он вдруг... Как-то сели чаю попить, больной уже был, я говорю: «Ну всё-таки, может, расскажешь мне, как было на самом деле? Ты в самом пекле был». И он рассказал. И мне понятно, думаю, ну тут вот, может быть, вычеркнете или нет, это мои сугубо личные мнения, думаю: вот почему могли не знать жены, отцы и матеря. Он рассказал. Когда шли бои, то, ну, в траншеях были, конечно, друг друга видели они, немцы наших солдат видели, ну первые эти, наши видели немцев. И вот дед говорит: в общем-то, такие бои были, конечно, жуткие бои. За водой они в этих в траншеях... Они сколько... Три месяца он был. Потом контуженный был. Они за водой к Волге ездили. Ползком, ползком с канистрой за водой. Я зря, может быть, говорю... В общем, они им давали по 100 грамм, на фронте по 100 грамм давали, вот 100 грамм надо, очередь подошла за водой, а за 100 грамм, он отдавал 100 грамм, ползли, говорит, «и я в том числе тоже», да, по идее-то, все участвовали, за водой, канистры. Бои шли ужасные. И однажды, он такой был очень взвинченный, а так спокойный, и говорит: «Такие бои были, в общем-то, говорит, знаешь, и страшно было». Я говорю: «А было страшно?» «Еще как, — говорит, — и страшно было. И было, что однажды, представляешь, — вот всё говорил, — представляешь?..» Три человека от полка, что ли, у них осталось. «Все были перебиты, ты представляешь?» Я говорю: «Дед, а когда вот очень страшно и чувствуешь, что немцы наступают, можно занимать траншеи дальше? Уйти? Ну, отступить?» Тут он взбеленился: «Что ты сказала?!» Я говорю: «Отступить. Ну туда уйти в траншею дальше, раз вот такой момент наступил боя и боялись, отступить». «А ты что? — повысил голос, он тихо говорил. — А ты что, ничего не знаешь? Не слышала? Куда отступать-то? Ты что? Последние это, — говорит, эти траншеи-то вот рыли они всё, — там же наши сидели, они же сразу же расстреливали, если ты уходишь с передовой-то, ты уходишь в дальнюю траншею, они же...» А потом ведь это где-то было в литературе открыто, по-моему, наверное, в 1990-е годы, что... Как называлось даже, я только забыла... Вот часть брали... Вы знаете?

01:24:36

Заградотряды?

А? Да, да, да-да-да. «Они же, — говорит, — вот были. Эти последние траншеи — это они, это чтобы не отступали». Поэтому уж погибали, вот трое осталось, и то контуженный потому что был, и всё. А так вот сколько погибало, жуть! Понимаете, в чем дело? Вот, и я подумала: а раз расстреливали, то, наверное, вот и приходили, как раз эти годы, 1943-й, да, вот тогда, наверное, и приходили за женами, за матерями, за отцами. Это лично мои предположения, думаю, потому что они [говорят]: «Мы не знаем, что на фронте...» Он же на фронте был, там сын или муж, на фронте был, на фронте был, а не знают, какой фронт, что. И меня осенило, думаю: а вдруг, такое могло же ведь быть. Вот почему мы удивлялись, понятия не имели, что сделали. Вот как было. И вот почему дед и не хотел рассказывать, и вот в последние месяцы жизни он рассказал. Тяжело ему, ну всем тяжело им было, кто в таких боях участвовал, вот что значит Сталинградская битва.

01:26:03

Дина Ивановна, я тогда вопросы какие-то можно вот вам задам, которые хотелось бы? Скажите, вот папа с мамой, вы же помните, как они... А вот как они жили, вот какая, когда еще до 1942 года, вернее до оккупации, какая атмосфера дома была, чем они увлекались, чем мама увлекалась, чем папа увлекался, как вообще, атмосфера в семье у вас какая была?

Ой. На редкость, семья была редкостная, но может быть, потому что... Я знаю, что отца очень любили... Ну, как сказать... Окружающая среда любила очень отца. Поэтому когда его реабилитировали, в 1972 году я подала на реабилитацию, да, что наши вот хорошие знакомые нашлись, прислали мне письмо, что приходил... Из Можайска. Мы в одном... Рядом их дом стоял с нами, но а ведь реабилитировали когда, вы посмотрите вот эти записи, да, это же не просто: раз — и реабилитировали, это протянулось по полгода. Он по деревням, следовательно, я поняла, ходил и там опрашивал кого-то, я не знаю их работы, но долго тянулось, поэтому вот, и всё. Меня ставили в курс дела, то-то и то-то сделано, ждите, еще будут, и всё. Приходил к ним, нашел, я не знала даже, нашел адрес, ну где мы жили, значит, кто соседи. И вот этот один наш сосед, который нас очень любил, и были в хороших отношениях, отца любил. И вот он прислал письмо: «Приходил следователь. Как мы рады, — его семья, — что, оказывается, ты с мамой живы остались! Мы были уверены, — говорит, — что вы и в живых-то не остались, когда вас забрали. Сы не думали, что вы выживете, и вот в Сибирь-то отправили. И вот я попросил у следователя: «А вы можете дать адрес его дочери?» И он говорит: «Следователь мне дал, вот я тебе и прислал письмо. И следователю сказал: «Если бы все такие были, как Иван Осипович, мы бы при коммунизме бы давно бы жили»». Вот в таком вот духе. И когда я реабилитировала и смотрела, не всю папку я смотрела, во всяком случае главное, как называется-то... Ну когда читают... Приговор, вот это всё расписывают, кто, что, вот он был с немцами, там что-то такое. Как же... Да, и были там еще свидетели. А свидетели, они потом, когда ходил этот, он всех нашел, и свидетелей, подписи кто давал, и всё, они отца, сказали, в глаза не видели, они его не знали, но подписали. И мне подполковник сказал: «Ну времена» — ну я же на Лубянку ходила же, смотрела документы. Я же, говорит... «Время такое было, — говорит, — в общем-то. И попробуй-ка ты не скажи». Вот они отца не видели и не знали, а подписали как свидетели. Вот поэтому расстреляли. А по жизни, вы знаете, вот в жизни... Это уже к этому не относится, но просто я вам хочу сказать, что когда я работала, вот я встречала сотрудницу одну, которая — вот здесь жили уже во Владимирской области — которая в глаза, я ее раздражала, потому что я много работала, она мне так сказала, вот ей хотелось поговорить. Знаю, что она писала клеузы, ну мне сотрудники говорили, что клеузы и на руководителя писали, и на директора завода писали, это какие-то клеузы писала, ну, она любительница. В общем, я слышала, сотрудники как-то ее допрашивали: «Это ты написала, что ли, наверное?» Но в общем, однажды я о ней узнала, это моя соседка, я ее раздражаю: «Что ты всё работаешь, работаешь?» Ну и потом она как-то раз меня довела, я ей высказала. Я говорю: «Знаете что? Какое счастье, что сейчас 1990-е годы такие, — были 1990-е годы, — Если бы вот... Такие как вы, наверное, и погубили моего отца. Клеузы написали, подписи [поставили], а в глаза не видели, они не знакомы были даже. Сколько, боже мой, мне страшно! Вот я смотрю на вас, мне страшно делается, сколько бы людей вы погубили вот со своей натурой такой, как вы любите писать». Вот это вот я ей высказала. То есть встречаются такие люди, в общем-то.

01:32:03

Дина Ивановна, а вот вы помните какие-нибудь, может быть, какие-нибудь яркие моменты детства, связанные с мамой, с папой? Праздники семейные как вы проводили, вот какая-то атмосфера, вот это вот. Дома. Каким вы папу запомнили?

Вы знаете... А, да, папу как запомнили... Самое главное, я папу запомнила в последнее мгновение, когда его отправляли в Москву, я это вам еще не сказала, да? А мы ходили, пока он сидел в Можайске в тюрьме, мы... Или где он там сидел, я не знаю, в общем, в тюрьме,

наверное, но при НКВД, при милиции, вернее в здании милиции. Мы с мамой приходили во двор, его выводили во двор, и на расстоянии большом вот так перекликались мама с папой. И вот мне запомнилось последний раз. Мы пришли в последний раз, и он стоит около воронка, у машины вдали, и мама, и мы, и я что-то кричала: «Папа, папа!» Мы очень просили... Да, и он крикнул: «Клава, ну всё, не беспокойся. Меня везут, сейчас поеду в Москву. Уж Москва-то разберется». И вот кричит. «Так что не беспокойся, Москва разберется, в Москву вот сейчас везут». Давай просить: разрешите попрощаться, пустите. Нужно было ворота приоткрыть, там стоит воронок, около воронка папа, что вот сейчас повезут в Москву, попрощаться — не разрешили. Вот он — не разрешили. И он радостный, улыбающийся. «Не волнуйся, ну всё, — говорит, — всё, там разберутся, в Москве». Несколько раз повторил. Разобрались.

01:34:28

Дина Ивановна, а он был членом партии? Или мама была?

Нет, нет, нет.

01:34:33

Расскажите об этом.

Члены партии — нет, ни мама, ни отец не были членами партии. Это меня уговаривали всё: «Кому, как не вам, быть членом партии». Это когда на ТЭЦ работала. Ну я же не говорила, что у меня отец расстрелян. Я же никому не говорила. Мне даже... По натуре такая. Подруги мои, с кем я жила в общежитии, когда училась, говорят: «Ты всё какая-то молчаливая такая была». Никогда не говорила. Я им рассказала, когда реабилитировала. Они москвичками стали. «Так вот, — говорят, — почему ты такая, в общем, была, какая-то... В какой-то степени чудная. Даже думали, ты высокомерная, но вроде того что за тобой, в общем-то, ребята за тобой как-то... Да, внимание было к тебе, а ты то одного, то второго как-то отшивала, грубо выражаясь». Ну я тут когда выдерживала, когда нет. Мне была дана характеристика. А причина была в другом. Да, я знакомилась, были знакомые. Внимание ко мне определенное было, хорошее. Но я встретить... Ну, встречалась с такими людьми очень мало по времени, потому что поневоле получалось так, что делились, какая семья. И представьте себе, как я могла себе позволить чьи-то семьи нарушить и сказать, кто у меня отец. И я просто на этом знакомство, так делала, заканчивалось, потому что то полковник КГБ был, ну органов, то был у кого-то начальник главка. Один молодой человек, запомнилось, хороший, ничего не скажешь, всё, он просто работал на Соколе в почтовом ящике. Мы знали почтовый ящик, что это закрытый. Я не могла себе позволить кому-то испортить биографию. Когда я узнавала, из какой семьи, всё делала, чтобы нам расстаться по-хорошему, еще начало... чтобы так уж не страдать, вот почему. «А мы-то думали тогда! А мы-то думали! Ты ж нам ничего не говорила, мы же не знали, только поразились, господи! Нам там особенно с почтового ящика, мы так помним». Это две, с кем мы учились. И вот одну недавно похоронили, одна живая и я — нас троюлька, неразлучные были. И когда приезжают в Москву, вот всё, мы встречались, и всё, и вот они и то не всё знали. «Мы не знали, мы понятия не имели, почему ты такая. Вдруг — хорошо, к тебе такое внимание, — а ты разом. Думали, ты заносчивая, и злились на тебя». Ну когда я рассказала, они ахнули: «Так вот почему ты такая была. Всё ясно и понятно». Отец был такой... Раз ставили пьесы какие-то, то уже можно судить о человеке, какой был он человек. Раз хорошо он и рисовал еще к тому же, то он, конечно, свою школу, свои классы, конечно, он как мог делал, чтобы было красиво, хорошо, доступно. И учил, чтобы вот в натуре было, в натуре видели. Ну а люди, конечно, любили его. Про маму, вы знаете, я даже не знаю, как сказать о маме... Она какая-то... особенный человек. Это... К работе как относилась, господи... Кем бы она ни работала. Она одно время, вот когда вернулась в Москву, ведь ее взяли на работу в санэпидстанцию. Это, знаете, травили крыс, тараканов. Это она много лет проработала вот здесь в Москве, ездила в Москву на работу. Конечно, и себя губили, печень губили все работники. Тогда же даже не было ни респираторов, ничего, вот только марлей закрывали рот, и всё. И многие болели, зарабатывали болезнь печени. У мамы тоже рак был. Но удачно сделали операцию. Но как человек, к ней со всем ходили вот поделиться, сказать, ну она особый человек.

01:41:02

Дина Ивановна, скажите, пожалуйста, вот вы говорили, что в 1937-м, кажется, да, забрали и расстреляли заведующего в школе, директора, да? А как-то вот дома вы обсуждали... Да, мама говорила, что страшно было, она уже потом об этом сказала. А вот в то время как-то дома обсуждалась ситуация вот эта в стране? Может быть, с этим человеком?

Вы знаете, по-моему, нет. По-моему, а... Нет, нет, нет, нет. Самое еще вот упустила. Вот этот момент я вам не сказала. Вот у нас у всех, мне кажется, я сужу по нашей семье и нашей родне, мне вот до сих пор... Ну сердце, иногда вот вспоминаю, разрывается, вот больно, что об отце

вот с тех лет с 1940-х, с 1943-го, вот как не стало отца, мы даже среди родни — собирались, вот когда мама в 1956 году вернулась... У нас очень дружная родня и собирались обязательно, или в Бородино, или другие родные были, близкие уже по маминой стороне, не по отцовской, по маминой стороне родня любила собираться и говорить. Но мы почти не говорили об отце. Это настолько больно... А мы боялись. И вот кто те года пережил, потому что вот сейчас встречаюсь, допустим, моего возраста: «А, ты права-права, действительно, мы вот кого близких — это мы старались об этом не говорить». Об отце — встречалась родня, — мы не говорили, и мы боялись, до того, пока не реабилитировали, до того пока... Мы боялись, что а вдруг кто-то за стенкой, а кто-то в это время мимо идет, а кто-то услышит и пойдет и доложит. Вот эта боязнь — сто процентов. В страхе жили, и боязнь даже говорить. И вот собирались, песни, можно сказать, пели на праздники, но никогда не вспоминали отца. Единственное, мамины две сестры, особенно одна, которая к нам ходила, тетя Маруся, вот в Москве жила, об Иване говорила, какой Иван был хороший, такой добрый. Она и... А потом как-то — раз, и замолкали. Я вот это вот как-то... Простить не могу то время, думаю: боже мой, какие же мы были искалеченные. И я, и я, моя натура искалеченной была. Я тоже боялась об отце говорить расстрелянном. Я только после 1972 года стала об отце говорить, раскрыла, кто и что. А так — боже упаси, ни в коем случае, никогда. И это все, вот я... Потом встречали, особенно у камня, ну вот 30 октября, и разговоришься, да, ведь многие моего возраста там, встречала, говорили: с институтов выгоняли. Всё-таки разговорились, я говорю: «Вот представляете, как получилось, что Сталин умер в 1953-м и я осталась, ведь пригрозил ей».

01:44:58

Дина Ивановна, расскажите, вот как я понял из вашего рассказа...

Выгонят.

01:45:01

...у мамы было много, у нее были братья и сестры. Были ли братья и сестры у папы? И...

Да.

01:45:09

И были ли еще вот в семье — то есть это очень много людей — еще репрессированные?

Да.

01:45:15

Расскажите, пожалуйста.

Я отцовскую родню, честно говоря, не знала до того момента как мы переехали сюда 16 лет назад. В общем-то мы не знали... Мы не знали, о родне о папиной ничего не знали. Мама всех... Мама... Потеряли адреса. Их не за это... В детстве Середа ведь, Холмец, нет, они все поразъезжались кто куда, поразъезжались. Но семья-то у него большая была. Я, когда сюда переехали вот мы, я встретила двоюродную сестру, случайно узнала, что она моя двоюродная сестра. И вот я ее попросила дать мне вот, кто, какая родня отцовская, потому что я ее не знаю совершенно. И, оказывается, у них была семья 10 человек, 10 человек. Тетя Маруся... Одна сестра родная также отсидела в лагерях 10 лет, в Норильске. Тоже кто-то наговорил. В оккупации была, она в оккупации была, и кто-то оговорил. Подробности я не знаю, но знаю, что она была 10 лет, половина в Норильске, половина в лагере. Потом, конечно, реабилитирована. Еще был арестован один брат. Сказали мне. То же самое. То есть не только мой отец, тогда много арестовывали, но мы, но мы, мы встречались до отъезда из Можайска, когда нас сослали, в Рузу ездили, в Рузе жили. Часть родных в Рузе. Сестра его одна жила в Рузе, и мы с мамой ездили в Рузу. Один раз съездили, а потом, а потом связь потеряна. А тетю Марусю, вот родная сестра отца, и я нашла, и вот как я теперь-то кое-кого узнала, никого почти не осталось родных, ни по отцовской, ни по маминой стороне уже почти никого не осталось родных, именно близких родных. А я узнала только... Как-то приехала в отпуск, из Душанбе я приехала в отпуск, это значит, до 1979 года где-то, в Москву, в отпуск. Зашла в парикмахерскую, у Белорусского вокзала первая парикмахерская по улице Горького, там, справа. И вдруг — никогда в жизни я не встречала, а тут фамилии мастеров, и вдруг я увидела свою фамилию: Тумарева. Мария Осиповна. Меня затрясло, я думаю: это Тумарева Мария Осиповна, папа Иван Осипович Тумарев. И она, она была... Просто свободный день у нее, говорят, она будет завтра на работе. Я примчалась, а я у мамы, в Немчиновке она еще жила. Я говорю: «Мам, а ты знаешь, я увидела: Мария Осиповна Тумарева, мастер в парикмахерской». «Ой, ой, — она расплакалась, — это точно, наверное, родная сестра отца нашего. Она, в общем, когда-то

училась этому делу, это точно, наверное, она». На следующий день я с Немчиновки опять туда. Ну и, конечно, я с ней встретилась, рассказала, и она, конечно, сразу к себе пригласила. Она в Москве жила, в общем, к себе пригласила, в общем, стали встречаться. Так случайно совершенно, как в сказке, вот это вот случилось, а так фамилию больше никогда свою нигде не встречала. Тумарева. А их было много. Что еще могла? Ну мама еще говорила, у отца был такой характер, ну вот, ну упрямый — для нее, конечно, что не всегда, может, маме нравилось, но такой был заядлый рыбак и охотник. Вот ничто его, говорит, не... Вот она образно, конечно, говорила: ну вот ложись у порога и не пускай, он перешагнет, но пойдет или на рыбалку, или на охоту в свой выходной. И, конечно, это же, посудите сами, какой он был человек, если толстые альбомы делал, или рисунки, или вот сушил и складывал целые альбомы. А чучело делать? Ведь кого только не было. И лиса была, и кого только, кого убивал — и чучело, и везде стояли. Вот это здорово сделано, это же золотые руки были. Учи. Своих учеников вот учил натурой, можно сказать, это редкость большая.

01:51:19

Огромная редкость. Дина Ивановна, скажите, а среди родственников мамы кто-то был репрессирован? У нее же их было много.

Нет. Нет, нет. У мамы только я, я с мамой была. А! Как же не было? Было. Бабушка, которая жила в Бородино, за которой я ходила-то, и вот она в Бородино так и жила, у нее дом немцы сожгли. Я про бабушку ничего не рассказала. Золотой человек. Мы каждое лето приезжали, до войны даже еще, была маленькая, мама привозила в Бородино на станцию, потому что у нее большой кусок земли был, усадьба и дом стоял. И любили там, родня-то, собираться. А уж детей-то, что тети, которая Маруся, которая к нам приходила потом нас навещать, у нее два сына было. И Боря, и Володя обязательно с младенчества, обязательно ездили, к бабушке его. А мама меня тоже к бабушке в Бородино на станцию, там и ходили за грибами, за ягодами, в общем, леса-то рядом там. Когда пришли немцы, бабушка собиралась... Бабушка собиралась, в общем, уговорить немца не сжигать дом. Когда уходили со станции Бородино, немцы поджигали дома. И вот когда немец пришел, бабушка, у нее было обручальное кольцо, она очень набожная была такая: какая власть, неважно, она всё-таки вот угол, лампада горящая, всё это, каждый день молилась как надо, всё. Она просила, сняла обручальное кольцо: «На, на, только не сжигай дом». Он ее сильно шибанул, в снег она упала, он ее сильно ударил, в общем, она отползла, всё-таки полностью сгорел дом, он поджег дом, немец. При отступлении. И у нее дом сгорел. Она жила в такой полужемлянке потом, пока дом ей двоюродный брат мой, москвич, в общем, потихонечку построил. А так, что интересно, мама мне одну вещь сказала, потом говорила, даже несколько раз она вот вспоминала это, говорит, немец сжег дом. «Дочь, — говорит, — а ведь и хорошо, что немец сжег дом, а то кто знает? А потом бы, а то таскали бы бабушку, потому что так — кому сожгли дом, сожгли, а кому не сожгли, потом вызывали, и ты должен был что-то придумать, сказать, почему у Екатерины Тихоновны сожгли дом, а у тебя не сожгли. За это таскали в милицию. Кто знает, — говорит, — чего бы было». Мол, сжег, никуда не вызывали по крайней мере, вот что было, что важно. А у нее мужа не расстреляли, а он сам, только когда его сослали, он умер тут же. Это второй, не мамин отец, он умер, мамин отец, просто в 1930-е годы. А у нее был второй муж, и он работал на станции Бородино, и раз сидели обедали, перед... ну не совсем перед войной, вот эти же тоже 1937-е годы, потому что перед войной мы, 1940-й и 1939 год, мы у бабушки вот были, родня собиралась, уже у нее не было, где-то пораньше, значит: 1937 года, 1935-й, наверное, года. Сидели четверо в обед, обедали, и надо было деду, вот бабушкиному мужу второму, ну дедом буду называть, сказать... Разговаривали о Сталине в обеденный перерыв. И говорили о его жене. И как раз тогда жена, говорит, умерла жена, а он вдруг: «Да ходят слухи, что как будто бы Сталин, мол, сам убил ее, — про жену, говорит, — как будто бы Сталин сам убил ее, ходят такие слухи». Вот они сидели, обедали и разговаривали. Четверо известных людей. Через четыре дня пришли, забрали бабушкиного мужа. И сразу же вскоре отправили в лагерь, где он то ли по дороге, то ли вскоре в лагере и умер. Кто-то из троих, их четверо сидело, из троих тут же пошел и доложил этот разговор. И вот тут же, через четыре дня после этого разговора, его арестовали и сослали, и он там тут же умер. Вот какие были времена.

01:57:30

Дина Ивановна, а вот вы когда учились в школе, вы вот в разных местах учились в школе, там знали ваши одноклассники вашу биографию?

Нет. Никто не знал.

01:57:40

Вот расскажите. А там же надо было в журнале писать, что мама, папа. Вот расскажите.

Нет, я дядю Володю, в школе, где надо было, дяди Володины координаты давала. Дядя, который меня взял к себе по седьмой класс включительно. Восьмой класс я кончала... Ну просто жила... Во всяком случае, я вам скажу открыто: что отец расстрелян, когда я вот училась, я нигде не говорила — пропал без вести, отец пропал без вести. Как на духу говорю. И так же в институт поступала. Пропал без вести. Хорошо — приняли, приняли. А если не приняли бы, значит, не приняли бы.

01:58:32

А в каком институте, извините, вы учились?

Химического машиностроения. МИХМ — Московский институт химического машиностроения, энергофак. Нет, я это скрывала. Более того, я даже когда поступала на работу — и скрывала, ничего не скажу, что я три месяца была в оккупации. Были такие вот, там в Академии наук когда. Я испортила в какой-то степени ведь, наверное, и своему мужу. Но он шибко меня любил, знал это. И сказали, знаете, когда жили в Душанбе, то где-то в 1970-е годы там многих посылали за рубеж. Я знаю, в Иран, с памирской, он в памирской экспедиции работал, мой муж. Посылали в Сомали. Очень близкие друзья, как родня всё равно наша, в Сомали. Муж дважды подавал заявление, тоже за рубеж хотел съездить поработать, но его не брали, даже три раза. Но так как в Душанбе были и друзья и из органов тоже в одной компании... Вообще, однажды сказал: «Не знаю, почему». А потом Лёве, мужу, сказал, говорит: «Это из-за Дины». Из-за меня ему не давали. Все говорили: «Да как же так?» Да, ну может быть, еще фамилия была Вайнберг. У него отец еврей, а мать русская, чисто русская. Ну может быть. Ну а тут он конкретно сказал, говорит: «Это Дина сыграла». Ну так, отсылали, не брали. И вот это меня, в какой-то мере меня подтолкнуло, Ира должна была закончить [нрзб], закончить 10-й класс. Я пошла в институт, где точно знала, что такие биографические данные не очень копались, так мне казалось, да, на факультет тот по крайней мере, потому что другие факультеты они потом вот, знаю, муж моей приятельницы, близкой этой семье, ну в «Атомэнерго» работают, и дочь их кончала также наш институт, но другой факультет, тоже в «Атомэнерго» работает. И я знала, что там были факультеты...

02:01:32

А какой факультет вы [нрзб]? Вы сказали, что...

Я энергофак. На энерго, да, энергофак, так назывался, энергофак. А они на органической, неорганической химии — в общем, какие-то такие факультеты были, что, ну, туда надо было учиться очень хорошо и надо было чистому быть совершенно. Я, в общем, каким-то образом знала это. Я потом-то узнала, знаете, вот в наши уже года, 1990-е, всё, я стала читать, разбираться, я ж поняла. Конечно, и наша спецчасть и про меня знала. Я наврала, они наверняка знали, когда поступала в институт-то, 1950-й, 1955 год, я кончала. Наверняка знали. Просто люди хорошие попались и на это закрыли глаза. Я потом поняла: наверняка. Находились такие люди.

02:02:39

Дина Ивановна...

И...

02:02:41

Извините, извините, я вас [перебил]... Я думал, вы закончили.

Всё, да.

02:02:44

Скажите, а вы были пионеркой, комсомолкой?

Да, пионеркой была и комсомолкой была. Наврала. Только в восьмом... Слушайте, а в восьмом классе тоже пионеры были? По-моему...

02:03:05

Всё, до седьмого. Потом уже комсомольцы после седьмого.

В полвосьмого, да. Там в полвосьмого подключались. Пионеры в полчетвертого начинались, а эти в полвосьмого.

02:03:12

Да-да-да. После седьмого, уже в седьмом в пионеры принимали. Ой, в смысле, в комсомольцы.

В конце третьего — начале четвертого, в разных школах чуть по-разному. А кто-то в конце седьмого, кто-то в начале восьмого.

02:03:23

Ну в общем, я была всем. Ну врала. Ну, что без вести пропал. У меня одна фраза была. Еще когда не [нрзб]. Я же в 1972-м только, я же закончила институт [в] 1950-1955[-м]. Нагло врала — что будет, то и будет. Но вы знаете, я так, вы не представляете, как я морально устала, что у меня тво[рилось]... Не знала ничего, ни слова, ни дочь, ни муж, ни друзья, я всё в себе, я никому не распространялась, что у меня здесь, я скрываю, где мой отец. Представляете, как вот прожить жизнь вот так вот и врать всем остальным, даже близким. Я только раскрылась в 1972 году. А до 1972 года... А уж когда реабилитировали и когда стали такое внимание к нам, пережившим бог знает что, сколько пережили душевной боли! Это же... Как писать, это же я не знаю. Писать заявление там на работу, да, куда-то на работу — у меня руки трясутся, у меня всё трясется, что я вру. Вот тут написала так: пропал без вести. А что творилось со мной, вот душевно, не передать. Но я старалась всё в себе, и никого не расстраивать, чтобы и не знали — это моё. Но не приведи бог. Для меня писать автобиографию было до 1972 года, переходить с места на место, сидишь на одном месте, это ужасно, это пытка — врать. Я жила вот в семье маминного брата, он понятия не имел, потому что я ему никогда ничего не говорила о взаимоотношениях вот с его женой, а дети были у него не родные, у нее двое детей было своих от другого мужа, она разошлась, какие взаимоотношения у меня с его женой. Я дяде не говорила ни разу, потому что он ко мне так относился, что мог быть такой скандал из-за меня, не приведи бог. Я всё скрывала, но на мне столько висело домашних дел! Учиться-то я училась, но и готовить, а это был и пятый, шестой, седьмой класс, а я как взрослый человек — идти на рынок, всё закупить, что-то приготовить. Все ложатся спать, семья, а я в это время мыть полы, убирать. А восьмой класс — тетка меня забрала к себе, она была так счастлива: я уже взрослая, да, и такая... А у нее хозяйство: и коровы, и поросенок, и всё. Она тут же уехала. Как раз летом приехала к ней жить на год в восьмом классе, но а там столько работы, что спроси меня: Дина Ивановна, а ты как, когда готовила предметы? Ну вот как-то училась, когда ты училась? Когда время? Когда тебе нужно... В четыре или пять часов утра летом я ходила корову доить, на пасеку. Вот восьмой класс, да, пример, восьмой класс, в шесть утра, в семь утра растопить — я с вечера готовила — русскую печь, это она уже научила меня вот за... преподавала мне дома. Вот такие вот чугуны мелкой картошки для поросят. То нужно мыть полы, то нужно мыть это, то печь хлеб, я всё в восьмом классе умела делать. И очень много, она работала тоже, учительница начальных классов, ей тоже доставалось, но на мне очень много висело. И когда мы после... вот восьмой класс, потом я уехала, вот мама меня забрала, и когда потом через несколько лет встретились, вот я в Москву приехала, она так плакала, что вот, чтоб понять: «Ну прости меня, ты же видела, какое хозяйство было». Но зато мы питались. Это же голодные годы, а у нас чего только не было. Ну потому что всё было свое: бочки с салом, всё это держали, всё. «Что тебе доставалось». Я засмеялась, я говорю: «Тетья Шура, я только не помню, вот восьмой класс у вас кончала всё-таки, я готовилась, там какие-то предметы были, я сдавала, никаких ничего не было, я нормально восьмой класс закончила, там всё, всё-таки осталось время». А она рыдала, что «тебе досталось». Да, я всё умела делать, всё. Вот вы говорите, вот я жила, но зато была здоровая такая деваха, питание было, отменное питание было, потому всё свое, всё хорошее. И я молоко продавала. Я ходила покупала сливо[чное масло]. Тогда были такие порядки, они интересные. Покупали сливочное масло, для того чтобы сдать, ну вот нужно было сдавать молоко там, есть куры — яйца, как обязателька была. Вот масло сливочное, а так как мы сами не делали его, то покупали и носила... в какую организацию, это я уже забыла, носили. Ну, оброк брали со всех, кто имел хозяйство, ведь за всё же брали. Как оброк в общем. Это восьмой класс 1948 год. В 1948 году мама за мной приехала и забрала в Красноярск. И девятый, десятый класс там. Всю жизнь говорю и всем говорю: и всё, я как в раю. Приехала и жила у мамы. Вот с дедом. Ну тесно, одна комната там, всё. На мне тоже было, потому что мама много работала, на полторы ставки в аптеке надо, а оклады маленькие там были, всё. На мне висел так же магазин и там это, но зато многого чего нет. И мама, я так и называю, ну говорю: а девятый, десятый [класс] я как в раю жила.

02:10:52

Дина Ивановна, скажите, пожалуйста, а вот вы учились в разных школах, а знали ли вы о своих одноклассниках, может быть, у кого-то тоже кто-то был репрессирован, или никто на эту тему не [говорил]?..

Не помнила. Не помню, нет. Я только запомнила то, что успела в Можайске. Почему-то запомнилось мне, что когда освободили, тетрадей ни у кого ничего не было, что искали пачки газет, и вот строчки газетные, и между строчками нас учили, это ж младшие классы, сначала

учили буквы писать там, всё, вот младшим классам. Это мы пользовались газетами, пространством между строчками, потому что не было это[го]. Это почему-то мне врезалось в память и... В 1943 году что же мне было — 11 лет, да.

02:11:48

Дина Ивановна, а вот скажите, вот такой вопрос, ну вот...

Да, у деда, у деда... То есть, у дяди. Я на него единственное... Он очень меня любил, жалел и любил, просто как родную всё равно. Что я ему простить не могла, дяде, ну образно говоря. Представляете, я два года сидела в седьмом классе в Минске. Первый раз в седьмом классе у меня белорусский язык надо было изучать, и я его не сдала на экзаменах выпускных. Представляете, седьмой класс? Я дядю, я помню, я плакала, я умоляла: «Сходите в РОНО, в районный отдел образования, поговорите, ну что же, я не знаю белорусского языка». А в школе проходили белорусский язык, я знала несколько стихотворений на белорусском языке, всё, но всё равно я не сдала экзамен, и меня оставили на второй год из-за белорусского языка. Я умоляла дядю просить — не пошел. «Ничего, ну, второй год пойдешь, выучишь белорусский и сдашь». И я второй, в седьмом классе пошла второй раз и сдала белорусский действительно, перешла в восьмой класс и вот к тетке переехала.

02:13:23

А скажите, Дина Ивановна, вот вы говорили про директора, который в 1937 году [нрзб], а потом с папой такая история, вы говорите. А у вас, ну позже, когда вы учились в институте, в школе, у вас были когда-то сомнения, что идеология такая неправильная, что там власть виновата? Вот вы же... То, что папу, вы понимали, что он невиновен, что тем не менее его забрали, я имею в виду, как вы тогда всё это ощущали? Кого вы обвиняли?

Было, было... Сейчас я вам скажу. Было одно время такое... Ну что вот мы с мамой-то вспоминали, я говорю: «Мама, ты помнишь, как мы с тобой уверяли: а Сталин не знал, что расстреливали». Вот это же сейчас вот думаешь — уму непостижимо, на полном серьезе думали, а всё-таки вот... говоришь — вот с отцом вот такое случилось, и всё-таки с мамой сидели и говорили: «Динка, нет, нет, Сталин не мог, наверное, Сталин не мог. Это такие указания. Сталин не знал, что расстреливают, это всё на местах». Был такой какой-то период, он небольшой, но он был, когда думали так. Чего бы я рыдала-то, в институте, в 1953 году-то: что будет с Россией? Потому что же верили, понимаете, тогда вот еще верили Сталину.

02:14:55

А как вы тогда относились к Сталину и как сейчас относитесь к Сталину?

О, боже мой! Не вспоминайте. Сейчас слишком много мы знаем, слишком 1990-е годы нам много чего открыли, многое... Я 1990-е годы сейчас вспоминаю, вот для меня как вот в рай какой-то я попала, наконец-то я стала человеком. Вот у меня душа, не передать, она у меня, всё вот... Я радовалась всему. Пришли к нам, выбирали когда в парламент, помните, выборы там были, приходили агитаторы. А уже тогда всё было расписано. Агитаторы ко мне пришли, это мы уже жили во Владимирской, 1990-е годы уже, в Александрове жили. Ну вот: за кого будете голосовать, там всё. Я сразу улыбаюсь прям, вот так вот, я говорю: «Ой не надо...» По-моему, этого партийца приходили, по-моему, кто-то из агитаторов. А я улыбающаяся, такая довольная, говорю: «Ой, не надо, не надо меня агитировать, я уже выбрала, слава богу». Ну они потоптались-потоптались, две женщины приходили, улыбались. «Но всё-таки, а скажите, а кого вы выбрали?» Я говорю: «Вам скажет что-нибудь?» Я говорю: «Я гайдаровка». «А, всё ясно, спасибо, спасибо, до свидания». Это мне запомнилось. Я с такой радостью ходила на выборы, было за кого! А потом я очень благодарна, они много для нас сделали, 1990-е, называют их «лихие», а я спорю, даже на меня некоторые знакомые близкие обижались. Я говорю: «Вы не хотите ценить, мы-то с этим столкнулись, даже с проклятой пропиской сколько мы мук всяких пережили. А там сразу же вот приватизация, — говорю, — все получили частные: это моё, кого хочу и сколько хочу, столько и прописываю. А вы что можете хорошего сказать? Что было?» Сколько мучались, сколько мы дочку прописывали к деду. Никак не хотели. Я дал разрешение... К кому я только в Москве не ходила — прописать вот к деду в эту в Одинцово, когда мамы не стало. По многим инстанциям ходила. И потом мне подсказали, комиссия заседала одинцовская, знаете, вот эти пожилые люди, с орденами. Я говорю: «За ним уход нужен». Там с Ирой пришли, говорю: «Надо прописать к нему». «Нет». Я говорю: «С мамой 35 лет прожили, вот там мама же жила, мама умерла уже». Так и не прописали. Но одна из комиссии, молодая, вызвала меня в коридор, уже закончили, доч[ери] не дали разрешение там прописаться. И говорит: «Знаете, мособл — председатель, ну кто там самый-самый, — он очень хорошо относится к репрессированным, точно знаю, к репрессированным. Сходите туда к нему, подайте заявление на прописку». Я подала на прописку.

02:19:08

Прописали?

Безоговорочно.

02:19:11

Дина Ивановна, вот я хотел спросить, всё-таки вернуться назад. Ну вот с папой случилось в 1942 году, а процессы были в 1937-м, в 1938-м, то есть началось всё это дело. А родители вот как-то предполагали? Ну не то что готовились к аресту, но как-то...

Ну она же говорила, мама, я когда ее спросила: всё время в страхе, жутком страхе.

02:19:36

Дина Ивановна, а...

Всё, я говорю, всё понятно.

02:19:39

Скажите, а вот когда папу забрали, а обыск какой-то был, что изъяли, делали опись ли изъятого?

Вы знаете, я даже, а взять-то нечего. Не было, но всё было перевернуто. Ну всё перевернуто было. И приходили тогда, это уже такой был как закон, я просто и потом слышала — в 12 часов ночи. Поэтому сейчас, когда я слушаю: там обыск провели, там обыск провели, особенно начало, особенно начали с детской комнаты, у кого там, я уже забыла, с детской комнаты и это... Я в слезы. Я сразу вспоминаю, я знаю, что такое обыск, как всё переворачивают, как всё потом забирают, уходят, и всё. Это жуть. Но только сейчас еще и есть что забрать. Это вещи такие вот, типа компьютер или что-то. Для меня это убийственно.

02:20:48

Скажите, вот поняты когда-то какие-то были или нет?

Нет. Нет. Нет. Приходили, и всё.

02:20:58

А когда вот пришли уже за вами и за мамой, что-то...

Нет, я говорю, никого не было, я их повела в госпиталь, и маму вызвали с работы, и сразу же, она только говорит: «Ну дайте я завгоспиталя скажу, что вы меня забираете». Ну и пошла, сказала, говорит: «Меня забирают».

02:21:24

Но вам же дали там время, вы говорили, немножко. А у вас что-то конфисковали, что-то, какую-то опись дали?

Да. Всё осталось, а это... всё осталось. Мне дали 700 или 800 рублей вон даже. А вот, вот бумагу дали. Это, как говорили, «лихие 90-е», да, а в «лихие 90-е» заплатили 800 рублей, что ли, вон список есть, чего там нашли. А часть... Стол был хороший полированный, я запомнила, но я запомнила, знаете, что... Я запомнила, немцы только вошли в Можайск, они к нам зашли и увидели этот стол, а он был — крышка — шахматы. Тут же захватили и унесли. Вот в первые же дни оккупации. Знаете, что я еще пережила? Стрессовое. Когда уже были немцы, то к нам раз, где мы вот жили, зашел финн. Мы по этому самому... узнавали по форме, с венграми — это венгры, за немцев, конечно, немецкая форма, венгерская, финская, они у всех разные были, вот эти вот гимнастерки, это всё. И вот однажды с мамой были на кухне, вбежал финн, дверь нараспашку, вбежал финн, достал револьвер, ну, наган или револьвер, в общем, что-то такое достал, и то на маму наставит, то на меня, то на маму, то на меня. Пропустила, раньше должна была сказать. Мама на колени: «Не трогайте девочку, не трогайте девочку». А он всё равно как зверь, всё равно звериное выражение лица — туда, сюда. Она сорвала со стены, какая-то меховая шапка мужская висела, сорвала — «На!», а больше-то ничего не было, чего взять-то в кухне-то, господи. «Вот, шапку возьми!» Опять на колени, орёт: «Не берите... оставь девочку, девочку, девочку оставь!» В общем, он так вот, то на нее, то на меня, а тут была наша — двери нараспашку — собака, и собака в открытые двери вбежала на кухню. Он в собаку обойму выпустил. Вот у моих ног собака, вбежала — и он в нее обойму. И вот когда это случилось, я так запомнила, что я вот до сих пор, когда какие-то разговоры вот были — поехать за рубеж... Я была от ТЭЦ своей неделю в Германии, неделю в Чехословакии. Нам, энергетикам, давали

бесплатные путевки туда, ну как хорошим работникам, и я в том числе была. Спокойно. А вот после вот этого вот финна этого я говорила и всем, и друзьям: «Вот сейчас мне на блюдечке с голубой каемочкой дай путевку в Финляндию, я ни за что никогда не поеду». Я очень рада, что они хорошо живут, богато, нормально, всё, и сейчас. Я рада за питерцев, которые ездят в Финляндию зачем хотят, когда хотят. Действительно радуюсь. Но вы понимаете, в чем дело, настолько вот в душе, в сердце там, в глубине осталась вот эта вот картина, что я никогда Финляндию не перешагну, я не могу, при всем моем желании, действительно. Потом, говорю, пускай хорошие — не могу.

02:26:09

Дина Ивановна, скажите, вот после опять же истории, когда с папой всё это случилось, вы были маленьким ребенком, вы, наверное, задавали вопросы маме: а чем папа виноват? Что она отвечала?

Да нет, она сразу же мне сказала. Всё-таки, как ни говорите, было это 10 лет уже, 10 лет, это и разбиралась, конечно. Она, вначале она тоже не знала, понятия не имела, пока ей судья, я же рассказывала вам, пока судья, потому что хорошая знакомая, она нашу семью любила, и отца знала, и маму знала, и позвала, мама пришла, и вот она посоветовала: уезжайте, а то будет то-то и то-то. Вот и всё, и расстреляли, и сказала кто, и мама вспомнила, говорит: «Ой, знаю я ее. Это было, да. Уборщица у отца, — говорит, — он ее уволил». Она сказала фамилию, и мама знает. Это в другой деревне когда жили, не в Можайске.

02:27:17

Да, ну то есть в семье не было каких-то сомнений: ага, забрали, значит, виноват?

Ой, ну откуда же? Конечно. Конечно. Ну просто... Ну не было, ни времени, ничего такого, ни обстоятельств, ничего, конечно, ничего.

02:27:39

А после того, когда всё случилось, соседи ваши как-то изменили к вам [отношение]?

С любовью. Ой, этого никто не верил: не может быть, чтобы это такое было, Иван Осипович! Я же говорю, вот кто потом, нас там все знают, и он правильно сказал: «Вот такое отношение было». Как он сказал вот следователю: «Если бы все такие были, как Иван Осипович...»

02:28:12

А вот тем не менее, как дочь врага народа, вы сталкивались когда с каким-то негативом? Ну вы скрывали, я понимаю, тем не менее когда-то кто-то вам говорил?

Нет, нет, нет, не лезла. Или я уходила, я сказала про своих.

02:28:28

Ну то есть никогда вы так с этим не [сталкивались]...

То я не стала говорить. Да, конечно. Даже близким. Вот они долго сердились на меня: «Это же надо, ты даже всё скрывала» — что у меня отец был такой.

02:28:42

А скажите, вот когда опять же с папой всё это случилось, соседи, вы говорите, хорошо относились, никто от вас не отвернулся, тем не менее вам стало жить намного сложнее, вам помогал кто-то как-то?

Нет, абсолютно. Кто? Как?

02:29:00

Еду, соседи, я не знаю.

А нет, а тогда нас прежде чем выслать, мама сразу же, как освободили Можайск, она пошла работать в госпиталь, в госпиталь.

02:29:30

Скажите, а вот когда реабилитация началась, и вы же тоже реабилитированы, и мама реабилитирована.

Все. Все, прям конкретно.

02:29:40

Как вообще происходила реабилитация? Это было сложно, переносили что-то или как вообще и как?..

Сложно. Но сложно в том, что тогда я жила в Душанбе, я взяла отпуск очередной вот, 1972 год, приехала в Москву и сразу пошла в Министерство юстиции, что ли, наверное, напротив, напротив Моссовета, что там?

02:30:12

Ну там Институт марксизма-ленинизма.

Нет, нет-нет, а там, перед Пушкин[ской площадью]... Не Пушкинская площадь, а до.

02:30:19

Прокуратура.

Во, я туда пошла. Всё разузнала, что этого не может быть, на реабилитацию, с мамой поговорила, с мамой я поговорила. «Мама, я, — говорю, — буду подавать на реабилитацию на отца. Приеду. Накануне вот в отпуске была, потом, — говорю, — на будущий год приеду, я подготовлю, узнаю там в Душанбе, что нужно, что как чего, а потом приеду, буду подавать на реабилитацию отца». Надо сказать, что мама не захотела: «Ой, дочка, не надо». И с ней случилась истерика. Она не хотела появляться в органах, потому что она, видите, появлялась, то сказала про меня, то ходила, ну хотя ей разрешили работать, разрешили жить в Красноярске, то есть положительно, но а тот отругался, ну, отругал, но не стало Сталина, и я проучилась в институте, вроде бы всё в этом плане благополучно, да. Вот а как... «А зачем это надо?» А я говорю: «А это надо для того, — говорю, — ладно, я там вот обманываю. Дочка будет поступать в институт. В какой институт, какой факультет — ее дело. Мне обязательно надо поехать в Москву в отпуск, и обязательно буду реабилитировать, подам на реабилитацию, чтобы дочка была абсолютно чиста». А тогда же не только родителей, обязательно дедушку и бабушку, ведь сколько таких мест было, чтобы устроиться на работу, обязательно — где работает отец матери, отец отца, в общем, не только близкие совсем, но и дедушка, и бабушка. Я говорю: «Я этого допустить не могу». Я себя вспомнила, сколько [раз] как писать это, так рука трясется, да, когда обманывала. И вот когда приехала, пошла, всё разузнала, ну и мне сказали, дали бланки нужные: «Пишите». Я тут, в общем, проторчала в отпуске. Что нужно, я уже сейчас не помню. Всё, что нужно, я написала, говорили, и я здесь оставила. И потом они мне сами об отце, вначале об отце и переписка была об отце, а потом я дополнительно оформила... Они сами подсказали, говорит... Кстати, в командировку я, наверное, один раз приезжала, что, говорит: «А вы что, ведь нужно и на маму написать, да и на себя тоже». Я говорю: «Что?!» «Да, — говорит, — ведь вы тоже сосланные, и нужно на реабилитацию и на маму, и на себя». И я дополнительно писала и на маму, и на себя. В общем, маму вызывали, на Лубянку вызывали. Ну мне жалко, конечно, маму. Говорит: «Конечно, я расплакалась, конечно... Ну такой хороший был... — полковник, что ли, она сказала, в общем офицер — Такой хороший, он налил мне воды, дал попить: “Попейте, успокойтесь”, успокаивал меня». Но когда вызвали и ее допрашивали, вот она уже довольна была, что с ней хорошо разговаривали и...

02:34:27

А у вас всех троих в одно время реабилитировали, в 1972 году, или вас позже?

Нет, по-моему, нас позже. Надо посмотреть, тут всё есть, персонально. Персонально при это самое...

02:34:39

Дина Ивановна, скажите, итак, по поводу смерти Сталина. Когда вы узнали об этом, где вы находились?

В общежитии. А несколько дней по радио всё время передавали состояние его здоровья. По радио. А в общежитии же были радио, и мы следили. Да, по-моему, все, все следили о самочувствии Сталина. А узнали мы... А передали, наверное, по радио передали, что Сталин умер-то. Вот как раз я в это время была в общежитии. Знаете, там был приемник, и всё. Мы поехали все в институт почему-то сразу. Наверное, может, занятия были или нет, я не знаю, но занятий не было, но мы поехали, вот кто в общежитии жил, в институт. А оттуда все — вроде, ну, Сталин умер, трагедия — и оттуда все, кто был, и не только наш институт, а и другие, мы пошли, и знаете, куда мы дошли? Да, собственно, по-моему, до Лубянской площади, пролезли

туда. Битком, и улицы, и вся площадь была забита битком, студенчество. Там же ведь недалеко, по-моему, Бауманский, мы, потом МАДИ или МАТИ, что-то такое, ну, в общем, институты и студенты. Битком забита была площадь, а мы туда шли-шли-шли, там еще была граница этой площади с домами, и какие-то были типа заборов. Ребята пытались через забор перелезть, ну поближе чтобы туда дойти, где он. Да, его положили когда уже, не в тот день, когда объявили, а на следующий день. Вот и, в общем, не получилось у нас ничего. Мы... давка началась, но вот там, чтобы, как говорили, смертельные или что, я этого не видела. Я сама была вот в этой давке, но мы потоптались там, потоптались, в общем-то, простояли много часов, но потом стали расходиться с этой площади. А когда его вот положили, где...

02:37:16

Колонный зал Дома советов.

Да, в колонном зале он лежал. Мы заняли очередь, думали, что пропустят посмотреть. Мы заняли очередь у Белорусского вокзала, очередь заняли, была такая очередь. И вот очередь эта быстро-быстро шла-шла, Маяковская прошли, да и мы дошли до Пушкинской, вот в очереди, и как будто бы, знаете, как будто действительно пропускают, мы не знали, что к Сталину-то не пропускают. Мы просто стояли в очереди и радовались, что вот очередь двигается, и всё. А дошли, Пушкинскую прошли, а потом увидели: батюшки! — а очередь расходится по сторонам. Нас-то туда не пустили, не пускали. Но отстояли мы. Слез было много, как же, я говорю, и боязнь, что прям, что будет со страной.

02:38:23

А были те, кто, наоборот, радовался?

Были. Редко, но были.

02:38:30

Среди ваших знакомых?

Кто-то да, кто-то, я запомнила почему-то, что кто-то порадовался. Вот я бы сказала, но я просто... Я удивилась. Но главное, я потом себя корила: ну как можно так вот плакать и чего-то бояться, что Сталин умер? Мне себя в какой-то степени прям как стыдно, как стыдно всё равно, это же, когда узнали всё, это же уму непостижимо.

02:39:08

А как вы сейчас к нему относитесь?

Ой, боже мой! Вы думаете, чтобы поставили памятник, что ли?

02:39:18

Да упаси боже.

Боже упаси. Ну потом-то ведь, сейчас же мы узнали всё, всё он знал. Сколько начитались. Я уже вчера, почти каждый день плачу, я вчера прочитала в «Новой газете» эту заметку про Воркуту. Ничего себе: два миллиона пригнали ГУЛАГ строить. Ой, не могу я.

02:39:47

Дина Ивановна, а скажите, пожалуйста, вот в 1956 году XX съезд партии, речь Хрущева, вот это вот. Вы тогда узнали об этом, по поводу развенчания культа личности? 1956 год.

В общем, во всяком случае, следили внимательно. Но я вот что-то рассказать свое, я как-то не могу... Знаю, что следили, знаю, радовались, мы очень много знали людей... Вот 1956 год, я уже в 1957 году, я уже в отделе... то есть в энергетическом институте работала, в институте, что рядом сидел мужчина, который только вернулся, 1956 год, только вернулся из заключения, он был на фронте, — сотрудник, рядом стол его стоял, он не разговаривал почти, такой был инженер в общем-то, — он был на фронте, он попадал в плен, из плена освобождался, опять на фронте, а потом его арестовали и он отсидел сколько-то в тюрьме. Вот зная вот таких вот и встречая по жизни таких людей, ну о чем можно думать, говорить? И что творилось с такими людьми, даже кто в плен попадал. Ведь пленных тоже многих пересажали, что в плену был. Я же скрывала три месяца, когда нужно было, что я была в оккупации, в оккупации нельзя было называть, а то бы куда-нибудь да не допустили, не взяли, и всё. В оккупации. Три месяца, господа.

- 02:41:45 **А скажите, вот еще такой вопрос. Я такой еще вопрос хотел. В 1953 году уже мама всё, уже пять лет плюс пять лет, то, что вы говорили, да, уже всё закончилось. И она приехала к вам?**
- Да.
- 02:41:58 **К вам. А вот вы помните эту вашу встречу? Вы же ее какое-то время не видели, долго не видели?**
- Пять лет.
- 02:42:04 **Вы пять лет ее не видели. Вот вы эту встречу с мамой помните? Расскажите.**
- Она была... Приехала за мной, вот как раз когда я у тети восьмой класс закончила. И вы знаете... Трудно объяснить, я пошла ее встречать. И как сейчас вот помню, вот большая... Наш дом, большая площадь, а потом вокзал, и вот мама должна приехать. И что-то задержался поезд, ну в общем, так получилось, я и как запомнила, я уже прошла, пошла вот встречать, прошла площадь и потом вижу: ой, а ведь мама навстречу идет. Я только запомнила, что у меня подкосились ноги, но я не упала. Как-то остановилась как вкопанная, ну что-то... Ну и мама навстречу, ну, конечно, кинулись друг к другу, не передать. Но я запомнила, что я вот чуть не упала от радости, всё вот. Эта встреча на площади, просто точное время не было известно, когда вот она приедет, а я там околачивалась около вокзала и вот на площади ее увидела. Это невероятное что-то. Пять лет не видела.
- 02:43:36 **Она внешне вообще очень изменилась за эти пять лет? Как она изменилась, какой вы ее нашли?**
- Да в общем-то... Она всегда симпатичная как-то всё-таки. Я так считаю.
- 02:43:57 **Скажите, а вот то, что...**
- Сейчас, Валер. Секундочку. Можно я вас чуть-чуть поверну...
- 02:44:03
- Это я ногу так держу.
- 02:44:06
- А, я чувствую, что как-то очень отвернулись. Всё, садитесь.
- 02:44:10 **Дина Ивановна, буквально две минуты.**
- Может, вам вот сюда ее просто удобнее.
- 02:44:13
- Она вот там-то и заболела, а тут я вот...
- 02:44:14
- А... Всё, я понял. Извините.
- 02:44:21 **А скажите еще, вот после того как мама стала жить... ну вот дед вы его называли. А его как его звали, кстати?**

Александр Родионович Кудрявцев.

02:44:36

А вот когда она с Александром Родионовичем стала жить, вы не восприняли это как измену отцу?

Нет, не восприняла. Ну, вернее, ревновала в какой-то степени, но, понимаете, в чем дело? В какой-то... Я осознала всё-таки в какой-то степени, она мне рассказала. Когда он за ней еще ухаживал, это, наверное, 1946 год или 1947 год, 1946-й скорее, познакомились. В какой-то степени он, может быть, ее даже спас. Они были уже знакомы, а потом маму... Ну она каждый месяц должна была ходить отмечаться. Не просто так. А после пяти лет каждые три месяца должна была, еще «пятерка». Ну вот это, что нельзя — раз в три месяца отмечаться в милиции. И ее уже трясло, вот милиция, она не могла туда зайти, ее трясло от милиции, вот потому что нужно было еще и отмечаться ходить. И вот настало... Было такое время, что прошел большой слух, ну она откуда-то узнала, что сосланных и кто живет в Красноярске должны были бы увести куда-то в Якутию. Это уже вот 1946 год, вот это. Куда-то в Якутию. И Александр Родионович... Я потом, ну вот дедом его стала просто звать, хоть и молодой был, а я всё «дед, дед», не по имени — отчеству. А так Александр Родионович говорит: «Что ты плачешь?» Они же зарегистрированы не были, и потом она же на учете. «Я, — говорит, — сейчас пойду устройсь, — киномехаником мог еще работать — вы-то под Красноярском, в такую-то деревню поедем, — он просто знал, — в такую-то деревню поедем, я устройсь работать киномехаником и буду в деревне кино показывать, какую-то денежку иметь. Не плачь, поедем туда». И мама дала согласие, и он ее увез в тайгу, в деревню, из Красноярска. Вот мама и считает, говорит: «А может быть, — говорит, — он... И действительно, в Якутии мне бы не пережить уже было. Да и одежды такой уже не было». Всё-таки Якутия есть Якутия. А ходили, пошел слух, что еще даже дальше усрать, уже в те годы уже большие, вот пять. Вторая пятерка, получается. Нельзя. Сюда нельзя, а в Якутию можно. И она считает... А эта деревня была сравнительно богатая. Знаете, там, видимо, все, говорит, ну такие, старожилы, раскулаченные, они же золотые руки, они же там... Это леса сколько хочешь, они там понастроили себе, это была деревня, и все держали такое хозяйство, у каждого... И мама говорит: «Я впервые...» Или вот в 1946 году, скорее всего, это в 1947 году. «Я впервые за много лет досыта ела». Сколько они там прожили, почти год, ну а потом вернулись тишина как-то, никаких уже не было таких разговоров, что в Якутию будут отправлять. А теперь... А еще до меня сейчас дошло. В Якутию, наверное, в эти года работников гнали, вот в «Новой [газете]» прочитала, как раз туда, на стройку уже, как бы добровольцами, как бы. Ну в общем, короче говоря, она считает, что помог ей здорово.

02:49:02

Дина Ивановна, а вот после того как реабилитировали папу и так далее, вот вы с мамой, у вас были ли какие-то попытки найти, а где он всё-таки похоронен?

Она просила.

02:49:13

Расскажите об этом. Только «мама...» Только вы можете начать со слов: «Мама хотела найти...» Потому что моего вопроса не будет, чтобы понятно [было], о чем вы говорите.

Да, да-да. Мама, когда вот реабилитировали, вот 1990-е, вот эти вот годы, ее же в 1990 году не стало, до 1990-го, перед этим, даже в 1990 году последний она как бы наказ мне дала: «Дочь, я тебя очень прошу, походи, узнай, где всё-таки похоронили Ивана». Ну потому что уже были сведения, находили, в какой... У Новодевичьего монастыря, что ли, братские могилы... А еще куда ездят, братские?..

02:50:02

Коммунарка.

Вот. Может быть, там, говорит. Попросили, вы знаете, дочку, Ларису, Ларису, дочь вот эту. Она нашла журнал, где кого хоронили, какой-то, и там посмотрела Тумарева и говорит: «Тетя Дина, нету». В общем, потом еще поинтересовалась, забыла, где-то, во втором месте тоже нету. И отца где похоронили, неизвестно. Я только сама поняла буквально каких-то — сколько? — года четыре, что ли, назад стали... Ходила 30 октября, всё время хожу, и я начинаю, вот знаете, я прихожу 30-го и начинаю: «Ну, мамочка, я пришла, твою я тебе...» Да, она-то почему «найди», чтобы можно было, говорит, в какой-то праздник, пускай там — почему-то назвала — или Пасха, или там какой-то еще праздник, прийти на могилу. Хоть было бы — по крайней мере, найти, где похоронен, — куда бы можно было прийти и навестить. «Меня не будет там, ты

будешь ходить, потом Ира». В таком вот плане. Она просила. И теперь я каждое 30-е с этих слов начинаю: «Мамочка, я пришла». Ну, у камня вначале. Знаете, мне было легко, потому что, ну, мамы не было, а мне было легко, я мамину просьбу выполнила. Я ходила к камню, ходила, там зажигала, там розы туда давала, там всё, каждый год докладывала маме, что я здесь, вот сейчас навещу, как ты хотела. Ну вот так. Потом два раза уже ездила к плачу... Стена плача. Уже туда ходила, ездила туда. Нет, нет, так сказать, чтобы верующие, прям вот как бабушка, верующие, да — нет, не такими были. Но вот праздники, ну так... были. Я знаю, я только одно знаю: бабушка, моя бабушка, и сама рассказывала, наказывала своих девочек, их три сестры — мама и еще две, одна вот ходила навещала и другая в Голицыно жила — три сестры мы их звали. Вот, жаловались, когда жили в Холмецах, уже 14 лет ей было, говорит: «Мама веревку брала: “Ах вы, козы такие! Опять в церкви о чем-то шептались или что-то, во время службы вы шептались и вы смеялись”». То есть она веревкой их наказывала, девочек. Еще были вот такие. Бабушка верующей была, ей там советская власть, не советская власть, всё у нее было при доме. У нее родная сестра, у бабушки, знаю, что здесь в Москве в каком-то монастыре была, в монастырь уходила, ну смолоду, еще девушкой была.